

Одиночка. Горные тропы

Автор:

[Ерофей Трофимов](#)

Одиночка. Горные тропы

Ерофей Трофимов

Одиночка #2Фантастический боевик. Новая эра

Хотел укрыться от внимания власть предержащих, а оказался в самой гуще событий. Тут и осада крепости, и стычки с горцами, близкое знакомство с контрразведкой, в общем, что ни день, то новые приключения. А поскольку ты родовой казак, то никому, кроме атамана, подчиняться не собираешься и наживаешь себе высокопоставленных врагов. Будто мало того, что два клана горцев после твоих удачных вылазок объявили тебя кровником...

Ерофей Трофимов

Одиночка. Горные тропы

© Ерофей Трофимов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Тяжелая пуля с гулким жужжанием пронеслась над головой, и Елисей, присев за зубцом стены, быстро перезарядил карабин. Похоже, к этой осаде горцы под руководством турок готовились крепко. Штурмовые лестницы, стальные кошки с

цепными поводками для заброса на стены и даже пушки, все это они сумели протащить через перевалы и по горным тропам перевезти в ущелье, где накапливали силы. А потом, все так же на руках, перенести через лес под стены крепости.

К огромной удаче жителей крепости, несмотря на все неурядицы и откровенно наплевательское отношение к этой рубежной твердыне высокого начальства, гарнизон крепости оказался выучен крепко. Ворота на ночь запирались, а караульные несли службу как положено, поэтому попытка нападавших взять крепость первым же штурмом оказалась неудачной. К тому же две действующие пушки, словно специально, были установлены над воротами так, что артиллерия нападавших оказалась сбитой с позиций раньше, чем ядра успели разбить ворота.

Такая ловкость местных артиллеристов Елисея не удивила. Наводчиками у двух орудий были прапорщики, командиры взводов. В общем, после трех залпов артиллерия противника была подавлена и началась осада. Горцы уже дважды пытались штурмовать стены под прикрытием стрелков, но солдаты и казаки оказались бойцами грамотными, и обе попытки быстро захлебнулись. Ну не умели горцы воевать строем и пешком. Не тот народ.

Вот верхами, да в сабельной рубке, потягаться с ними было сложно. А так, на стенах, да еще и своим ходом, не то. Совсем не то. С этими мыслями Елисей поднялся над зубцом, за которым прятался, быстро выцелив очередного противника, выстрелил. Попавший ему на прицел горец всплеснул руками и, выронив ружье, рухнул навзничь.

«Двенадцатый, – зло усмехнулся про себя парень. – Патронов еще полторы сотни с собой. Ночью придется перекрутить все пустые гильзы. Блин, а еще и поспать надо».

С этими мыслями он снова перезарядил свой штуцер и, отступив чуть в сторону, принялся выискивать в оптический прицел кого-то из командиров этой дикой дивизии. Воевать горцы умели, но о строе и воинской дисциплине и слухом не слыхивали. Схватки они предпочитали личные, чтобы показать собственную силу и удачу. И хотя турецкие, или, как тут говорили, османские советники прилагали огромные усилия для создания из них хоть какого-то подобия регулярных войск, получалось это слабо.

Третий штурм закончился ничем. Обороняющиеся сумели сбросить все лестницы и положить всех, кто мог подняться по веревкам на стены. Кошки, которые горцы закидывали на гребень стены и зубцы, бойцы подцепляли жердями и попросту скидывали их обратно вместе с теми, кто сумел за это время взобраться по веревке. Большую помощь оказали и елисеевские гранаты. Раздав казакам полсотни чугунных чушек, парень подробно объяснил, как ими пользоваться, и попросил тратить это оружие аккуратно.

Казачьи, уже знавшие по слухам, что это такое, а кое-кто видевший ручные бомбы, заряженные порохом, вняли его просьбе и гранаты использовали весьма грамотно. Их не раскидывали по принципу «на кого бог пошлет», а вырвав чеку, просто осторожно перебрасывали через стену. С таким расчетом, чтобы граната взорвалась над головами столпившихся под стенами врагов. В итоге, горцы несли серьезные потери и, не выдержав, отступали.

Не обходилось, конечно, без потерь и среди оборонявшихся. Стрелять горцы умели. Что ни говори, а оружием горцы владели хорошо. Отбросив эмоции, не до них сейчас, Елисей снова поднялся и, поймав в оптику фигуру, усиленно размахивавшую руками, спустил курок. Со своей точки парень отстреливал нападавших, словно перепелов. Оптика, пристрелянное оружие, да к тому же боевой опыт. В общем, на этом участке обороны штурмовать стены горцы даже не пытались.

В бою наступило затишье, и офицеры принялись проводить переключку. Убедившись, что личный состав готов воевать и дальше, офицеры собрались в надвратной башенке, где комендант устроил свой штаб. Выслушав доклады, штабс-капитан Милютин тяжело вздохнул и, качнув головой, негромко спросил:

– Что делать станем, господа офицеры? Как вы понимаете, долгой осады нам не выдержать. Съестного припаса и воды у нас достаточно, а вот с боевым все не так радостно.

– Вы это к чему, ваше благородие? – осторожно уточнил один из прапорщиков, заметно растерявшись.

– А к тому, что крепость сдавать нельзя, – тихо, но так, что вздрогнули все собравшиеся, проговорил комендант. – Лично я буду драться до последнего. Сдаваться в плен мне резона нет. Выкупать меня некому, да и незачем. После

такого позора я и сам жить не стану. Приказать подобное вам я не вправе. Так что пусть каждый примет решение сам.

– А не рано ли вы о сдаче заговорили, господин комендант? – возмущенно поинтересовался ротмистр, командовавший караульной ротой.

– Я исхожу из наших реалий, господа. Как уже было сказано, пороха и свинца у нас не так много, как хотелось бы. Чья это вина, сейчас разбирать смысла нет. А вот быть готовым к самому худшему нам необходимо. Кто-то с этим не согласен?

Быстро переглянувшись, офицеры мрачно потупились. В том, что отсутствие огненного припаса и свинца это вина интендантов, им было понятно без слов. Комендант же, убедившись, что желающих спорить с ним более нет, снова тяжело вздохнул и, расправив усы, продолжил:

– Думаю, две недели мы продержимся спокойно. А вот что будет дальше, я, господа, предрекать не возьмусь. А самое неприятное, что мы даже сигнала в город подать не можем. Сами знаете, по штату нам положена своя голубятня для связи со штабом, но голубей давно уже нет, да и голубятников толковых не имеется. Все это мной было многократно доложено, ну а результат тех докладов вам и так известен.

– Может, гонца послать? – растерянно предложил один из прапорщиков.

– На смерть? – возмутился комендант. – Да и посылать некого. В таких условиях только пластуны имели бы хоть какой-то шанс. Им на брюхе по кустам ползать не привыкать, да только нет у нас пластунов.

– Как нет?! – дружно вскинулись офицеры.

– Перед самым нападением я вынужден был отправить их к ущелью. А раз они о выходе противника не предупредили, значит, больше их нет.

– Да как же так-то, господа? – плачущим голосом спросил прапорщик. – Это ж самые ловкие да опытные люди были.

– Это верно. Да не стоит забывать, что на каждого ловкого и опытного всегда еще более ловкий найдется, – снова вздохнул комендант.

– А тот парень, из казаков, что с ними к ущелью ходил? – не сдавался прапорщик.

– Елисей-то? – понимающе переспросил комендант. – Да, парень ловкий, но опыта подобных вылазок у него вообще нет. Он скорее охотник, чем пластун. Да и придумки его нам пока очень в помощь. Видели ведь, что его гранаты с противником творят. Так что отправлять такого мастера сквозь стан противника считаю неправильным. Да и не допустят его в штаб по молодости лет. Сами знаете, взрослого-то казака иной раз в приемной часами мурыжат, а уж паренька юного и вовсе за человека не посчитают. Надежда у нас одна. Вследствие осады я в штаб рапорты отправлять не смогу. Это и должно там многих насторожить. Славы у меня как у человека, своими обязанностями манкирующего, не имеется, так что, не получив вовремя докладов, должны заинтересоваться, почему гонцов нет. Более, господа, я ничего предложить не могу.

– Значит, просто ждать? – мрачно уточнил ротмистр.

– Да. Ждать и воевать. Иного выхода, господа, у нас с вами просто нет. Осмелюсь напомнить, что все мы здесь империи присягу давали. Так что, будем воевать тем, что имеем.

– А тех гранат у казачка много? – быстро спросил ротмистр.

– А вот этот вопрос я сейчас пойду выяснять, – грустно усмехнулся комендант. – Кто у нас на восточной стороне угловым барбетом командует?

– Унтер Ахримов.

– И что? Как там с горцами?

– Доклада о прорыве не было. Получается, отбились, – развел ротмистр руками.

– Да как же так-то, господа? – возмутился комендант. – Вы же офицеры, а простых вещей не знаете.

– Так не хватает нас на все участки, вам ли не знать, – отмахнулся ротмистр. – Взводами прапорщики командуют. При пушках наводчиками сами становятся. Вот и приходится унтеров на команду ставить. Довели фортификацию, – скривился он, снова махнув рукой.

– Ладно, не будем сейчас из пустого в порожнее переливать, – осадил комендант ненужный спор. – Возвращайтесь на свои места, господа, а я отправлюсь на восточную стену. Ежели что, меня там ищите.

* * *

Ночь прошла в тревожном ожидании очередного штурма, но горцы атаковать не решились. Почему? Да бог его знает. Может, не умели, а может, просто не решились. Но с первыми лучами солнца все, кто имел на стене свой участок, уже стояли на помосте, всматриваясь в рассветный туман. И стоило только туману рассеяться, как в лагере осаждавших началась какая-то суета.

Елисей, которого комендант своим приказом забрал с места, нещадно зевая, выбрался к зубцу и, достав из сумки полевой бинокль, принялся рассматривать то, что начал строить противник. Но сколько парень ни всматривался, сколько ни ломал глаза, но ничего путного так и не разобрал. Какая-то крестовина, на которой крепился тонкий столб. Скорее даже длинная, заостренная жердь.

– Чего там? – раздался хриплый голос, и Елисей, опустив бинокль, обернулся.

– Жердь какую-то на крестовину крепят. Думал, орудие какое для штурма, но никак не похоже.

– Кол это, – мрачно выдохнул обратившийся к нему немолодой казак. – Из наших кого казнить станут.

– Как это казнить?! – от удивления Елисей едва бинокль не выронил.

В его сознании, человека двадцатого века, подобное обращение с пленными казалось чем-то кощунственным. Да, расколоть пленника по горячему, чтобы получить нужные сведения, это понятно, а вот подвергнуть его казни только ради удовлетворения собственных инстинктов, совсем другое. Впрочем, за речкой приходилось видеть подобное. Вспомнив несколько эпизодов из собственного прошлого, парень молча кивнул и, вздохнув, снова поднял бинокль.

Горцы закончили работу и, подняв получившееся сооружение на руки, потащили его в сторону крепости. Наведя бинокль на жердь, Елисей убедился, что казак был прав. Верхний, свободный конец кола был остро заточен.

– А чего это они кол на крестовину поставили? В землю вкапывать лень стало? – угрюмо поинтересовался он.

– Еще раз попользовать думают, – с ненавистью прошипел казак. – Не один у них пленник, видать, а на каждого кол вострить лень.

– А зачем им вообще это нужно? – не сдержал парень любопытства.

– Запугивают, – вздохнул казак. – Мол, глядите, православные, и с вами то же самое будет.

– А мы значит, как увидим, так сразу испугаемся и крепость им сдадим, – зло фыркнул Елисей. – Обломаются.

– Чего? – не понял казак.

– Не дождутся, говорю.

Между тем горцы подтащили кол метров на двести пятьдесят от стены и, выбрав ровную площадку, установили его. Зазвучали барабаны, явно привезенные турками, и все собравшееся войско горцев принялось стекаться к месту казни.

«Из этого я туда не дотянусь, – мрачно подумал Елисей, взвешивая в руках карабин. – Да и казнь им испортить тоже не помешает».

С этой мыслью парень сорвался с места и, вихрем слетев со стены, ринулся бегом в сторону гауптвахты. Слова коменданта о том, что схваченный британец, его пленник, посетила его очень вовремя. Влетев в помещение, Елисей с порога наорал на дежурного солдата и, отобрав у него ключи, ринулся к камере. Распахнув дверь, он приказал британцу лечь лицом вниз и сложить руки за спиной. Увидев наведенный ему в лоб ствол пистолета, лазутчик не решился спорить и покорно улегся на пол.

Связав ему руки, Елисей за шиворот вздернул британца на ноги и поволок к стене. Втащив его на стену, парень посадил пленника под зубец, так, чтобы его не было видно снаружи, и снова вскинул бинокль. Кое-как построив всю эту горскую вольницу, османские офицеры выступили из толпы в своем истинном обличье. Если до этого они носили одежду местных, стараясь скрыть свою принадлежность, то теперь они не стали прятаться.

Широкие шаровары, кушаки, фески, в общем, выглядели они именно так, как их изображали на картинах. Елисей, едва рассмотрев этих ряженых, аж зашипел от злости, словно рассерженная гадюка. К крепости выступил дородный, статный турок и, вскинув голову, громко прокричал:

– Эй, урус! Видишь этот кол? Мы поймали ваших пластунов. Хорошие воины. Сильные. Двое сумели умереть в бою, а одного мои аскеры взяли живым. Вот тут он и закончит свою жизнь. Смотрите и ждите. С вами будет так же.

Говорил турок по-русски чисто, только с легким акцентом. Не зная, его можно было запросто принять за жителя предгорий. Услышав шаги за спиной, Елисей обернулся и, увидев коменданта, молча склонил голову, здороваясь.

– А этот тут зачем? – удивился штабс-капитан, заметив британца.

– Попробую его на приговоренного обменять, – коротко сообщил Елисей.

– Да как же так-то, ваше превосходительство?! – возмутился подошедший вместе с комендантом прапорщик. – Это же офицер!

– Это мой полон, – не оборачиваясь, огрызнулся Елисей. – Вы, ваше благородие, сами то признали на людях.

- Тут он прав, господа, - развел штабс-капитан руками. - Это действительно его пленник.

- Но я же заплатил ему, - вдруг подал голос британец.

- А ты вообще молчи, шваль, - рыкнул Елисей, пнув его в бок. - Что с тебя взято, мой трофей. Я еще с тебя не спросил за напарника твоего. Так что лучше помалкивай, целее будешь.

Собравшиеся на стене казаки, с интересом выслушав этот диалог, только одобрительно закивали, нехорошо поглядывая на прапорщика, решившего лишиться парня пленника.

- Что делать собираешься? - спросил комендант у Елисея, таким образом оборвав зарождавшуюся дискуссию.

- Сейчас попробую с этим фазаном ряженым поговорить. Может, чего и получится, - вздохнул парень, убирая бинокль. - Эй, эфенди! - окликнул он, перегибаясь через стену. - Подойди ближе, не бойся, стрелять не стану. Хочу показать тебе кое-что.

- Что ты мне можешь показать, гяур? - расхохотался турок.

- Вот это, - ответил Елисей, вздергивая британца на ноги.

- Кто это? - насторожился толстяк и, старательно всматриваясь в лицо пленника, начал осторожно приближаться. Но до этого он подал своим присным какой-то знак, и за собравшейся толпой тут же возникло какое-то движение.

Турок подошел метров на сто и, достав из-за пояса небольшую подзорную трубу, навел ее на пленного, торчавшего по грудь над стеной.

- Ага! - выдохнул он, зло усмехаясь. - Значит, ты его поймал.

- Как видишь, - кивнул Елисей. - Это мой пленник, я хочу обменять его на того казака, которого поймали твои люди.

– А зачем мне это? – вдруг спросил турок, оглядываясь назад.

Там, у кола, уже суетились несколько горцев, которых, похоже, назначили палачами. Из толпы вытолкнули связанного окровавленного человека, и палачи тут же бросились что-то делать. Что именно, Елисей без бинокля не понял, но сообразил, что ничего хорошего. В землю воткнули еще две жерди с привязанными на верхних концах петлями, через которые были протянуты веревки, к которым были привязаны руки пленника. Палачи дружно потянули за веревки и вздернули его над землей.

– Видишь? – глумливо рассмеялся турок. – Это сильный воин. Он будет долго умирать на колу. Я приказал не смазывать кол жиром. Так будет дольше. Ты услышишь, как он будет насаживаться на кол.

– Эфенди, а ты не забыл, что британцы спросят с тебя за своего человека? Это ведь офицер, – сделал Елисей еще одну попытку.

– Мне плевать на этого неверного, – вдруг зарычал турок в ответ. – Они все только и хотят, что использовать наших солдат в своих играх. Инглизы, франки, вы, русские, только и мечтаете нас уничтожить. А мы создадим новое государство. Великий Туран. Великую Порту, и вы все будете нам служить, неверные!

«О-о, дядя, да ты фанатик!» – протянул про себя Елисей.

– Здесь командуешь ты, – закричал он. – Но там, в Стамбуле, большую политику делают другие, и за гибель британца спрашивать станут с тебя. Подумай, эфенди, нужно ли тебе это? Отдай пленника, прояви политическую мудрость, – продолжал напирать парень, взывая к честолюбию турка.

– Я аскер, а не политик, – презрительно фыркнул турок. – Можешь делать с этим инглизом все, что захочешь. Мне он не нужен. Эта собака обманула меня. Обещал открыть ворота, а сам попался, словно мальчик, ворующий варенье.

Пока они спорили, палачи успели передвинуть кол так, чтобы он оказался под промежностью пленного, и начали медленно отпускать веревки.

– Я убью его! – зарычал Елисей, выхватывая пистолет и приставляя ствол к голове британца. – Как только кол коснется тела казака, я разнесу этому псу башку.

– Стреляй, – снова рассмеялся турок. – Я дарю тебе этого инглиза. Делай с ним, что пожелаешь.

– Я не шучу, эфенди. Я действительно убью его! – снова закричал Елисей, взводя курок.

– Мне надоел этот спор, – отмахнулся турок и, развернувшись, направился к месту казни.

Палачи, медленно стравливая веревки, плавно опускали тело пленного на острие кола. Остановившись, турок оглянулся и, усмехнувшись, громко сообщил:

– Эй, казак! Смотри внимательно. У меня хорошие палачи. Я приказал им сделать так, чтобы жало кола вышло из кончика его языка. Смотри, они это сделают.

В этот момент кол соприкоснулся с телом пленного, и над крепостью раздался жуткий стон. Елисей, чувствуя, как кровь загудела в ушах от бешенства, спустил курок и, тут же сунув пистолет в кобуру, подхватил длинный штуцер, который успел прихватить, пока бегал за британцем. Пинком перебросив тело британца через парапет, он вскинул винтовку и, поймав в прицел перекошенное болью лицо человека на колу, тихо охнул:

– Ермил!

Это действительно был старшина пластунов. Как их взяли, теперь было не важно. Единственное, что сейчас мог сделать парень, это облегчить его муки. Сделав глубокий вдох, Елисей прикинул ветер, расстояние, падение пули и плавно спустил курок. Что это было, мастерство, удача или все вместе, он не понял, но пуля, преодолев нереальное для местного оружия расстояние, ударила пластуна прямо в лоб, над переносицей. Крик оборвался, и тело казака безвольно обвисло.

Стремительно перезарядив штуцер, Елисей навел прицел на растерянно замершего турка и снова выстрелил. На этот раз все было в пределах реального. Тяжелая оперенная пуля вошла ему в затылок и вышла через рот, выплеснув попутно мозг. Не ожидавшие такой прыти осаждающие растерянно замерли, а потом дружно завывали. Турецкие офицеры пытались навести хоть какой-то порядок в рядах своего воинства, но горцы сорвались.

Забыв обо всем на свете, они ринулись на приступ, но нарвавшись на дружные залпы оборонявшихся, быстро откатились назад. Офицеры кое-как навели порядок и отвели войско назад. Спустя час под стены подошел один из офицеров с белым платком в руке. Комендант, увидев его, оглянулся на мрачно замершего Елисея и, кивнув в сторону переговорщика, попросил:

- Присмотри, чтобы не сотворил чего.

- Не извольте беспокоиться, - кивнул парень, меняя длинный штуцер на карабин.

- У тебя прям под каждый случай свой ствол, - хмыкнул комендант.

- Служба такая, - усмехнулся парень в ответ.

Турок попросил разрешения забрать трупы горцев, оставшиеся после дурного штурма, и Елисей, держа его на прицеле, тут же посоветовал:

- Ваше благородие, пусть сначала тело Ермила к воротам принесут. Хоть схороним по-человечески.

- Думаешь, отдадут? - удивился комендант.

- Им тела единоверцев до заката похоронить надо. Отдадут, - уверенно кивнул парень.

- Попробую, - кивнул штабс-капитан и огласил переговорщику условия.

Кивнув, тот опасливо покосился на Елисея и, развернувшись, быстрым шагом отправился к своему лагерю. Через пять минут тело пластуна сняли с кола и,

положив на носилки, понесли к воротам крепости. Положив носилки у калитки, горцы бегом отступили назад, и казаки под прикрытием сослуживцев внесли тело Ермила в крепость. Раздав указания, офицеры поспешили к воротам. Комендант, уже спускаясь со стены, вдруг обернулся к Елисею и, посмотрев на него непонятым взглядом, сказал:

– Пойдем. Тебя это тоже касается.

«Похоже, приключения на сегодня не закончились», – вздохнул про себя парень, подхватывая оружие и направляясь к лестнице.

* * *

Лежащее на носилках обнаженное тело пластуна было накрыто простой солдатской шинелью. Елисей, едва бросив взгляд на свисавшую с носилок руку казака, скрипнул от злости зубами. Пытали. Страшно. Зверски. Глубоко вздохнув, парень усилием воли сдержал накатывавшее бешенство и, подняв голову, оглядел собравшихся у ворот людей. Солдаты, отвыкшие от подобных картин. Казаки, повидавшие всякое, в том числе и подобное. Женщины, не скрывающие слез, но при этом не срывающиеся в истерику. Офицеры, явно злые, скрывающие свою растерянность.

Не было только равнодушных. Стоящие вокруг носилок молчали. В такие минуты любые слова были бы лишними. Внезапно толпа прямо напротив парня раздалась в стороны, и к носилкам подошла женщина средних лет, в сопровождении четверых детей. Две девочки-погодки, лет четырнадцати-тринадцати, и двое мальчишек, лет семи-девяти. Опустившись на колени, женщина откинула шинель, укрывавшую голову пластуна, и, поцеловав его в лоб, судорожно вздохнула.

Оперевшись на руки детей, она тяжело поднялась на ноги и, перекрестившись, еле слышно произнесла:

– Царствие тебе небесное, казак. Несите домой. Прибраться к тризне надо, – тихо добавила она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Казачи после этих слов зашевелились, и в этот момент откуда-то сбоку вывернул местный поп. Быстро подойдя к носилкам, он бесцеремонно вздернул шинель и, рассмотрев рану на лбу пластуна, бросил полу шинели обратно, скривившись. Потом, развернувшись всем телом, поп обвел толпу быстрым взглядом и, приметив Елисея, пронзительно завопил:

- Ты что ж это делаешь, ирод?!

От удивления Елисей даже не нашелся что ответить. Между тем поп продолжал нагнетать обстановку.

- Тебе кто позволил промысел Божий нарушать?

- О чем это ты, отче? – угрюмо поинтересовался Елисей, чувствуя, что снова начинает злиться. – Про какой промысел ты речь ведешь?

- Ты почто в него стрелял?! – снова взвыл поп, потрясая кулаками. – Это ж промысел Божий. Попал вой неверным в лапы, значит, должен чашу свою страданий до конца испить. А ты что посмел?

- Я посмел хорошего человека от мук тяжких избавить и очень хочу, чтобы в свое время кто-то и для меня такое же сделал, – с тихой угрозой в голосе прошипел Елисей. – Если уж суждено умереть, так лучше быстро от руки дружеской, чем от вражеского кола в муках тяжких.

- Да спорить со мной вздумал, богохульник! – еще громче взвыл поп и, подскочив к парню, попытался ухватить его за грудки.

- Уймись! – рыкнул Елисей, перехватывая его руки и сжимая пальцы так, что поп невольно скривился от боли.

- Не замай парня, долгогривый, – раздался командный рык, и рядом с ними оказался крепкий казак средних лет. – Знаю, чего ты бесишься. Сам кричал, что он не часто в церкву твою ходит и десятину не платит. Лучше уймись.

Не ожидавший такого наезда поп попытался вырвать руки из Елисеевой хватки, но только бессмысленно задергался, удерживаемый его лапами.

- Пусти его, казак, – повернувшись к парню, велел незнакомец.

Елисей молча разжал пальцы, и поп, не ожидавший такого, резко подался назад, едва не запутавшись в полах своей сутаны. Но успокаиваться он явно не собирался. Круто развернувшись к новоявленной вдове, он подскочил к носилкам и, тыча в Елисея пальцем, снова завопил:

- Что молчишь? Вон он, погубитель мужа твоего!

- Да ты совсем сдурел, долгогривый?! – рявкнул в ответ казак, осадивший его. – Парень своего пленника на жизнь Ермила сменять хотел. А когда тот осман не согласился, и Ермила от мук избавил, и турка главного стрелил. А ты ему это в вину ставить?

Поп осекся и, сообразив, что попал впросак, сплюнув, решительно зашагал к церкви. Вдова, проводив его долгим, усталым взглядом, осуждающе качнула головой и, обойдя носилки, подошла к Елисею. Дети неотступно следовали за ней. Несколько секунд она внимательно рассматривала парня, а потом, вздохнув, отвесила глубокий, земной поклон.

- Спаси тебя Христос, казак, – негромко поблагодарила она, выпрямившись. – За руку твердую и глаз острый. Избавил мужа моего от мук. Не дал ему басурман страданиями своими потешить.

- На то и война. Все под Богом ходим, – кое-как нашелся Елисей, кланяясь ей в ответ.

- Тебя ведь Елисей-оружейник звать? – вдруг уточнила женщина.

- Верно, – кивнул парень, про себя подивившись неожиданному прозвищу.

- Ермил поминал тебя. Говорил, постарше станешь, к себе в ватагу заберет. Да сам видишь, как вышло, – еле слышно всхлипнула она.

- Благодарствую, – склонил Елисей голову. – Ежели будет надобность какая, дай знать. Чем смогу, помогу, – пообещал он, сам не зная зачем.

– Благодарствую на добром слове, – кивнула женщина и, перекрестив его, отправилась следом за процессией, уносившей носилки с телом ее мужа.

«Твою мать! – думал Елисей глядя ей вслед. – Вот уж точно, не делай добра, не получишь зла. Да пропади он пропадом, этот поп. Сделал, и снова сделаю, если потребуется».

– Все ты верно сделал, парень, – раздался рядом голос, и Елисей, обернувшись, увидел вмешавшегося в спор с попом казака. – Все верно. В наших краях всегда так было. Не можешь спасти, подари смерть легкую. Старый это закон. Не все его помнят. И не все исполнить могут. А ты сумел. Не испугался. А про попа забудь. Пришлый он. Нашей жизни не знает. А ежели кто из молодых вздумает тебе это дело в вину ставить, меня найди. Радмир я. Радмир Чубой. Десятник.

– Благодарствую, дядька Радмир, – кивнул Елисей, про себя удивляясь странному имени.

– Ты ведь Кречета Руслана внук? – уточнил десятник.

– Его.

– Родовой значит, – задумчиво кивнул казак, скорее утверждая, нежели спрашивая. – Добре. Отгоним ворога, а там и поговорим.

Хлопнув Елисея по плечу, десятник развернулся и скрылся в переулках.

«Блин, и чего это сейчас было?» – растерянно подумал парень, окончательно запутавшись в местных причинно-следственных связях.

– Елисей, – окликнул его стоявший в стороне комендант и, убедившись, что парень его видит, призывно махнул рукой.

– Хотели чего, ваше благородие? – устало спросил парень, подходя.

– Спросить хотел. Гранат у тебя много еще осталось?

– Три десятка готовых есть. И еще пару десятков набить могу. Только корпуса отлить некому. Все ж на стенах. А так, и запалы, и начинка имеются.

– Не боишься в сарае такую пакость хранить? Вдруг рванет? – насупился штабс-капитан.

– Не рванет, – качнул парень головой. – Я ее в горшках в земле зарыл. Там пока прямо по горшку не стукнешь, ничего не будет.

– Значит, еще полсотни гранат на крайний случай найдем, – задумчиво кивнул комендант. – Сегодня же мастерам приказ отдам, чтобы корпуса тебе отлили. Приготовь все, что сможешь.

– Сделаю, как только корпуса готовы будут, – снова кивнул парень. – А ночью предлагаю мои мортирки испытать.

– Ночью? – удивился комендант. – А как же ты стрелять из них в темноте станешь?

– Есть способы, – лукаво усмехнулся Елисей. – Вы только дозволение свое дайте.

– И что такой обстрел нам даст? Я уж не спрашиваю про то, как ты до их лагеря дотянешься, – задумчиво хмыкнул комендант.

– Хоть десяток и побьем, все потом легче будет, – пожал Елисей плечами.

– Ладно, поступай, как знаешь, – вздохнув, махнул комендант рукой. – На стене я приказ дам.

Обрадованно усмехнувшись, Елисей поспешил на стену. Достав бинокль, он принялся высматривать лагерь нападавших. Пользуясь слабостью орудий крепости, горцы разбили его в прямой видимости стен. Переходя от зубца к зубцу, Елисей пометил на стенах границы лагеря и принялся высчитывать расстояние до него. По всему выходило, что шатры горцы поставили километрах в двух от стены.

– В радиусе действия, – весело хмыкнул Елисей, опуская бинокль.

Подошедший к нему прапорщик, командовавший на этом участке, окинул взглядом художества парня и, достав портсигар, мрачно поинтересовался:

– Ну, и чем ты тут занят?

– К ночному обстрелу готовлюсь, – буркнул в ответ Елисей, быстро записывая нужные данные на клочке бумаги «вечной» ручкой.

– К какому обстрелу? – тут же насторожился прапорщик.

– Его благородие, господин штабс-капитан разрешил мне свою мортирку испробовать. Хочу ночью туркам сала за шиворот залить, – зло усмехаясь, пояснил Елисей.

– Думаешь, дотянешься? – с сомнением уточнил прапорщик.

Закурив, он подошел к зубцу и попытался на глаз оценить расстояние до лагеря горцев.

– Должен, – решительно кивнул Елисей. – Главное, правильный угол возвышения взять, – добавил он и тут же обругал себя за несдержанность.

– Кто ж тебя всему этому научил? – удивленно оглянулся прапорщик.

– Самому бы вспомнить, – деланно вздохнул Елисей, мысленно обзывая себя ослом.

– А прицелы такие хитрые и бинокль у тебя откуда? – вдруг сменил тему прапорщик.

– Прицелы в городе сделал, из труб подзорных. И бинокль там же, на базаре купил, – быстро отговорился Елисей, выбирая точки для установки миномета.

– М-да, похоже, не даром про тебя слава ловкого оружейника ходит, – покачал головой прапорщик, снова выглядывая наружу.

Глухой удар и стон Елисей услышал сразу. Подхватив оседающее тело прапорщика, парень рывком оттащил его под прикрытие зубца и, не поднимаясь, громко крикнул:

- Все от стены, где-то лучник засел!

Услышавшие его слова солдаты тут же попрытали головы, а парень принялся оказывать пострадавшему первую помощь. Обломив древко стрелы, торчавшей справа под ключицей прапорщика, он быстро огляделся и жестко приказал:

- Носилки сюда. Прапорщик ранен.

Двое крепких солдат быстро принесли носилки и, уложив на них тихо стонавшего офицера, мрачно переглянулись.

- Чего замерли? - рявкнул на них парень. - В лазарет его. Быстро. Ему операция нужна срочно, иначе не выживет.

- Как сносить станем? - угрюмо спросил один из санитаров. - Лестница узкая и крутая. Так и уронить не долго.

- Так ремнями его к носилкам привяжите. За ноги да под грудь, - моментально нашелся Елисей. - Главное, чтобы плечи не шибко шевелились, иначе рану растревожите.

- И верно. Вань, снимай ремень, - обратился санитар к напарнику.

Быстро зафиксировав раненого, они подняли носилки и понесли их к лестнице. Елисей, подхватив длинный штуцер, сместился к краю зубца и, выставив наружу только срез ствола, принялся высматривать в прицел лучника. Деревья вокруг крепости были вырублены, а вот кусты вырубить толком не успели, так что ловкому стрелку было где спрятаться. Но у лучника было несколько ограничений при использовании его оружия. Лук это не ружье и не винтовка. Лежа из него не выстрелишь.

Значит, искать нужно было там, где есть возможность быстро спрятаться. Для выстрела лучнику нужно подняться над укрытием по грудь. Только так он

сможет использовать все возможности своего оружия. Медленно смещая прицел от куста к кусту, Елисей всматривался в переплетение ветвей. Вдруг в одном месте что-то блеснуло, и парень, замерев, медленно повел винтовкой в обратную сторону.

Найдя точку, где заметил блеск, Елисей замер и спустя несколько секунд усмехнулся с веселой злостью.

- Попался.

Лучник сидел за кустом, наложив стрелу на тетиву. Вот на наконечнике стрелы солнечный луч и заиграл, выдав его укрытие. Прикинув, где именно должен находиться торс стрелка, Елисей плавно сместил прицел и нажал на спуск. Тяжелая пуля отбросила лучника назад. Всплеснув руками, он отлетел спиной на соседний куст и распластался на земле без движения. Солдаты, внимательно следившие за каждым движением парня, огласили стену радостными восклицаниями.

В ответ на выстрел из соседних кустов полетели стрелы. Похоже, лучников там засело примерно со взвод. Не раздумывая, Елисей принялся быстро перезаряжать винтовку и отстреливать их одного за другим. Теперь, когда лучники начали двигаться, заметить их было не сложно. К тому же винтовка против лука – слишком не равный спор. После седьмого выстрела лучники сообразили, что их попросту уничтожают, и бросились бежать. Елисей сделал еще три выстрела, уменьшив их численность еще на три головы, и, выпрямившись, громко сказал, перезаряжая штуцер:

- Меж зубцов не мелькайте. За кустами внимательно смотрите. А то так они вас словно перепелок перестреляют, и мявкнуть не успеете.

* * *

Снарядив очередную гранату, Елисей аккуратно уложил ее в деревянный поддон и, вздохнув, задумчиво покосился на полупустой горшок, в котором хранил готовую взрывчатку. По приблизительным прикидкам, должно было хватить, чтобы набить все болванки. Переведя взгляд в угол, где стояли пять ящиков с минометными минами, парень снова вздохнул и оглянулся на окно. Вечерело.

Пора было заканчивать с гранатами и начинать подготовку к ночному обстрелу.

Как выяснилось после истории с казнью, болванок под гранаты кузнецы успели отлить с запасом, так что теперь Елисей старательно пополнял запас боеприпасов. Быстро добив поддон, он накрыл его чистой холстиной и переложил под стеллаж, на землю. И прохладно, и сверху ничего не брякнется, если только турки ядро прямо в сарай не закатят. Наведя в сарае порядок, парень подхватил из угла пару ящиков с минами и поспешил на стену.

Перетащив боеприпас, он отволок туда же опорную плиту и вернулся за трубой миномета, когда рядом с сараем слышались шаги и неспешный разговор подходивших людей. Прислушавшись, Елисей чуть усмехнулся и притих, снедаемый любопытством.

– Странный он какой-то, ваше благородие. Вроде на первый взгляд обычный казачок. А присмотришься, так оторопь берет. И говорит так, словно гимназию с отличием окончил. Про придумки его я уж и не вспоминаю.

– Ну, в том, что его кто-то учил, и учил хорошо, я давно уже не сомневаюсь, – слышалось в ответ. – Беда в другом.

– И в чем же?

– В том, что он и сам много после болезни не помнит. Оттого и так много всяких несуразиц с ним происходит. Вон, давеча даже поп на него вызверился. Вот уж от кого никак не ожидал такого. А ведь казаки народ набожный. А он на попа, как на вошь тифозную, смотрел. Заметьте, ротмистр, не боялся, не смущался, а просто терпел. Выходит, к сану он относится не так почтительно, как другие.

– Ну, тут я даже с ним соглашусь. Слишком уж поп наш местный ведет себя вызывающе. Сам то и дело к спиртному прикладывается, а другим то и дело грехи поминает.

– Ну, а про историю с британцем пленным что скажете?

– А что тут скажешь?

– Да как же?! Сами припомните, ваше благородие, как он того британца раскрыл? Я поначалу даже не понял, о чем вообще речь, а он просто говорил и в глаза ему смотрел. А потом и заявляет, не татарин он. Как так?

– Ну, с этим как раз все просто, голубчик. Это мы с вами ничего кроме службы своей знать не желаем. А он в этих местах родился и все сложности, и нюансы религиозные наизусть знает. Для казаков местных это один из столпов выживания, если позволите. вспомните, как много казаков на горянках женаты и сколько у них кунаков по окрестным аулам живет. Отсюда и знания. А нам те знания не интересны.

– Отчего же не интересны, – возразивший явно обиделся на такое предположение.

– Так вы ж сами сказали, что не поняли, как он британца от татарина отличил. Вот и выходит, что не интересно. А будь вам, голубчик, это интересно, вы бы и сами того лазутчика первым разоблачили.

– Угонишься за ним, как же, – фыркнул ротмистр.

– Гоняться за ним, голубчик, не стоит, а вот поучиться не грех. Даже нам с вами, – наставительно вздохнул комендант.

Именно он отвечал ротмистру на вопросы. Елисей узнал обоих по голосам.

– Думаете, я сюда зачем пришел? – тем временем продолжал комендант.

– И зачем же? – любопытствовал ротмистр.

– А затем, что решил наш паренек ночью лагерь вражеский из мортиры лично сделанной обстрелять. Вот и хочу посмотреть, что из этого получится. И знаете, что я думаю?

– И что же?

– Что стоит нам с вами полуэскадрон казаков на конь посадить и держать готовыми, для атаки. Потому как ежели у него получится до лагеря дотянуться,

то это будет наш шанс крепко противника потрепать. И, возможно, от крепости отогнать. А там, глядишь, и гонца в штаб отправить получится.

- Рискованно, - помолчав, тихо вздохнул ротмистр.

- Рискованно, но иного шанса у нас может и не быть, - в тон ему вздохнул комендант. - Ну, да бог не выдаст, свинья не съест.

- Ага, это прямо про турок с горцами, особенно про съест, - рассмеялся ротмистр.

Усмехнувшись, Елисей громко откашлялся и, взвалив трубу на плечо, вышел на улицу. Заперев дверь, он развернулся и сделал вид, что только теперь увидел господ офицеров.

- Не передумал? Готовишься, смотрю, - улыбнулся ему комендант.

- Так точно, ваше благородие. Сейчас ствол на стену подниму и соберу орудие. А как стемнеет окончательно, так и начнем помолясь, - лихо отрапортовал парень.

- Дотянешься? - кивнув, коротко спросил штабс-капитан.

- Должен, - решительно кивнул Елисей. - Не так далеко они и встали. Для пушки, конечно, расстояние большое, а вот для такой мортиры, - он шевельнул плечом, показывая ствол, - в самый раз будет.

- Ну, дай-то бог, - кивнул комендант и, развернувшись, зашагал рядом с парнем.

Судя по его настрою, он явно собирался отследить весь процесс от сборки до выстрела, находясь рядом с парнем. Втащив ствол на стену, Елисей быстро собрал миномет и принялся перемещать его в пределах отмеченных секторов. Закончив предварительную установку, парень достал бинокль и принялся высматривать подходящие ориентиры. Сделав еще несколько пометок в своей таблице стрельбы, он краем глаза заметил, что ротмистр, повинуясь команде штабс-капитана, куда-то убежал. Припомнив их разговор, Елисей мысленно кивнул.

«Похоже, он и вправду решил использовать этот шанс», – подумал Елисей, внутренне подбираясь.

То, что ситуация в крепости не самая хорошая, он отлично понимал. Точнее, догадывался чутьем опытного военного. Для точной оценки ситуации было слишком мало информации, но историю с дачей взятки для получения необходимого парень не забывал. Уж очень ему хотелось тогда всех интендантов под нож пустить. Глотки перерезать, а во рты ассигнаций набить, чтобы каждому ясно было, за что их так.

Скрипнув зубами от вновь накатившей злости, Елисей сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь взять себя в руки. Отметив про себя, что слишком быстро стал поддаваться эмоциям, парень снова приложил бинокль к глазам, попутно анализируя собственное состояние.

«Блин. Пятнадцать лет. Бурный гормональный рост. Это ж сколько еще мне так мучиться? Стоит только чуть вожжи отпустить, и тут же несет так, что хрен остановишь. И бабу подходящую не найдешь. В крепости все про всё знают. Маленькая деревня. Да и не поможет тут баба. Я с нынешним либидо из койки вылезать не буду. Придется интенсивность тренировок усилить, чтобы хоть как-то эту дурь прижать. Мать твою, как же оно все не вовремя».

– Ну что, получится? – услышался рядом голос коменданта, и Елисей чуть вздрогнул. Увлечшись собственными мыслями, он не услышал, как тот подошел вплотную.

– Получится, – помолчав, уверенно кивнул Елисей.

Теперь, перепроверив при другом освещении найденные еще днем ориентиры, он точно знал, что мины до лагеря долетят. На пределе дальности, но сам лагерь он накрывал с гарантией. Из сарая он притащил четыре ящика. В каждом по пять мин. Итого двадцать выстрелов. Отойдя к миномету, он еще раз перепроверил установку, привязываясь к уже проверенным ориентирам, и, зло усмехнувшись, негромко сказал:

– Всех, конечно, уничтожить не получится, но турецкие шатры я точно накрою. А без командиров горцы станут по привычке каждый за свой клан драться. Это их главная слабость. Общего строя не знают.

– Это ты верно сказал, – быстро кивнул комендант.

От казарм послышался сигнал горна, извещавшего о наступлении времени ужина, и Елисей, присев на ящик с минами, принялся доставать из сумки на боку провиант, который ему собрала утром квартирная хозяйка Наталья. Чуть усмехнувшись, комендант пожелал ему приятного аппетита и тоже отправился ужинать. Запив снесь кvasом из фляги, Елисей откинулся на зубец стены, под которым сидел, и принялся размышлять, прокручивая в голове услышанную информацию.

То, что комендант решительно пресекал все попытки назвать его странным, парня радовало. Штабс-капитан оказался человеком умным и старался извлечь из наличия такого странного уникама в своем подчинении максимальную выгоду. Попутно пресекая все попытки привлечь к нему ненужное внимание. Офицер отлично понимал, что с парнем что-то не так, но пока все эти странности идут на пользу крепости, он будет помогать.

Теперь Елисей был в этом уверен точно. Особенно если ночная атака окажется успешной. Похоже, комендант решил сделать на нее основную ставку. Что там за внутренние проблемы, Елисей не знал и знать не мог в силу своего положения, но в том, что проблемы серьезные, был абсолютно уверен. Слишком уж ждущий взгляд был у коменданта, когда он задавал вопросы. Да и рисковать целым полуэскадром в ночной атаке он не стал бы без веской причины.

– Бесплезно гадать, – еле слышно проворчал Елисей себе под нос. – Слишком мало данных. Ладно. Делай, что должен, и пусть будет, что будет. О, блин! Идея!

Подхватившись, он вихрем слетел со стены и помчался к воротам. Найдя там штабс-капитана, который старательно инструктировал подъесаула, Елисей, презрев все правила, вклинился в разговор, с ходу спросив:

– Ваше благородие, вы их собираетесь в атаку отправить?

– Да. А что такое? – развернулся к нему офицер, не обратив внимания на такое грубое нарушение субординации.

– Дозвольте тогда им десяток гранат с собой дать, – быстро предложил Елисей.

- Зачем? – растерялся комендант.

- Отход прикрыть. Когда атаковать станут, турки в растерянности будут. А вот когда отходить станут, могут и опамятовать. Вот тогда гранаты и пригодятся. Десяток казаков покрепче пусть каждый по гранате возьмут и на отходе в разные стороны за спиной раскидают. Пока противник будет в себя после взрывов приходить, они и уйти успеют.

- Хорошая идея, – тут же оценил подъесаул.

- Сколько у тебя гранат готовых есть? – подумав, уточнил комендант.

- Всего семь десятков. Сегодня еще накрутил. Все с запалами. Десяток им, остальные на стены, штурм отражать, – надавил Елисей.

- Ладно. Неси, – махнул комендант рукой, покосившись на подъесаула.

Быстро сбегав в свой сарай, Елисей притащил десяток гранат, уже готовых к употреблению, и, попросив подъесаула собрать тех, кому он планировал раздать это оружие, принялся проводить инструктаж, демонстрируя, как правильно использовать эти снаряды. Казаки – взрослые, опытные, битые жизнью мужики, слушали внимательно и старательно повторяли за ним каждое движение, запоминая порядок действий. Убедившись, что все собравшиеся всё поняли, Елисей раздал гранаты и, посмотрев на подъесаула, вздохнул:

- Удачи вам, казаки.

- Благодарствуй, парень, – без улыбки кивнул тот.

Потом, сняв папаху, подъесаул оглянулся на подчиненных и неожиданно поклонился парню.

- Благодарствуй, Елисей, что подумал, как казаков в бою сберечь. Спаси Христос.

Стоявшие за ним казаки, не сговариваясь, повторили его жест.

– Одним миром живем, казаки, – нашелся Елисей, кланяясь в ответ.

– Ты это, парень. Ежели кто приставать начнет или обидеть попробует, мне скажи, – надевая папаху, добавил подъесаул. – Дураков не сеют, не пашут, а они не переводятся. Сам не вяжись. Меня найди. Я уж такому дураку быстро норы в узел завяжу.

– Благодарствую, – снова поклонился Елисей. – Да пока вроде никто не трогает.

Кивнув, подъесаул вернулся к подготовке людей к бою, а Елисей поспешил обратно на стену. Солнце уже закатилось за горы и в предгорьях наступили сумерки. Еще немного, и навалится чернильная южная ночь. А значит, до нужного момента осталось не так и долго ждать.

* * *

С удовольствием потянувшись, Елисей широко зевнул и, откинув одеяло, уселся на своей лежанке, глядя в окно. Судя по положению солнца, на часах уже должно быть часов девять утра.

– Вот это я даванул на массу! – лениво подивился парень. – Хотя, если вспомнить ночные приключения, неудивительно. После такого можно и сутки проспать.

Ночью ему действительно досталось крепко. Сначала нужно перетащить миномет и боеприпасы на стену. Потом установить его и приготовить к стрельбе. После дожидаться нужного времени и начать обстрел. Ну а потом, убедившись, что полуэскадрон вернулся к воротам крепости, добавить противнику еще. Чтобы, как говорится, жизнь медом не казалась. И хотя Елисей решил использовать всего двадцать мин, этого оказалось более чем достаточно.

Сначала перед атакой четырнадцать выстрелов, по два с каждым прицелом, а потом еще шесть после отхода казаков по уже разбитому лагерю. Рассвета дожидаться парень не стал. Свернув миномет, он перетащил его обратно в сарай и отправился домой. Отдохнуть. Все равно торчать на стене в полной темноте, слушая вопли боли и ярости нападавших, смысла не имело. Зато теперь можно было отправиться полюбопытствовать, что из ночной вылазки получилось.

Сходив к колодцу, парень быстро умылся и, моментально проглотив уже привычное молоко с краюхой свежего хлеба, отправился одеваться. Уже привычно сунув в кобуру пистолет, он проверил патронташ и, накинув через плечо ремень с метательными ножами, вышел со двора. Покидать дом не вооружившись для него давно уже стало все равно, что выйти голым. Легко взбежав на стену, Елисей первым вежливо поздоровался с дежурным прапорщиком и, кивнув сидевшим за зубцами солдатам, достал бинокль.

Наведя его на то место, где еще вчера был лагерь противника, Елисей невольно присвистнул. Большая часть шатров сгорела во время обстрела. Воронки, вроде и небольшие, перепахали все поле, где устроились горцы. Противник пытался разгрести наведенный бардак, откапывая убитых и выискивая брошенное оружие.

– Лихо у тебя получилось, – уважительно проворчал подошедший прапорщик.

– Для того мортиру и придумывал, – пожал Елисей плечами. – А что господин комендант решил? Гонца в штаб успели отправить?

– Успели, – кивнул прапорщик. – Все успели.

– Странно, что они лагерь не сворачивают. Не могут не понимать, что весточку об осаде мы подать успели, – задумался Елисей.

– Так обстрел только ночью был. Не поняли еще, что все сорвалось, – помолчав, выдал свою версию прапорщик.

– Не похоже, – упрямо качнул Елисей головой. – Ладно. Поживем – увидим.

Убедившись, что противнику теперь не до штурмов, парень спустился на землю и отправился в сарай. Нужно было пополнить запас патронов и закончить сборку гранат. Его задумка с использованием ручных бомб при отходе была реализована казаками на все сто процентов. Полуэскадрон вернулся в крепость, не потеряв убитым ни одного человека. Об этом подъесаул сообщил ему лично, поднявшись на стену. И ведь не поленился.

Вспомнив их разговор, Елисей только коротко усмехнулся. Взъерошенный, с блестящими от возбуждения глазами, пропахший порохом и потом подъясаул, взбежав на стену, дождался, когда парень закончит обстрел лагеря, и попросту стиснул его в объятиях, хрипло рассмеявшись:

– Спаси Христос, парень. Все вернулись. Сколько ушло, столько и вернулось.

Не найдясь, что ответить, Елисей только хлопнул его по плечу, весело улыбнувшись. Впрочем, подъясаулу, похоже, ответ и не требовался. Еще раз обняв парня, он отправился к своим людям, а Елисей занялся своей мортирой. И вот теперь, вспоминая ночные приключения, он шагал по улице крепости, чувствуя себя почти счастливым от хорошо выполненной работы. Неожиданно вспомнив, что в сарае мало свинца, он свернул в ближайший переулок и двинулся к дому.

Большую часть припасов он выгружал в сарай, но многие вещи хранил в своем фургоне. В том числе и свинец для отливки пуль. Перешагнув через тын, он прошел под навес и, отперев дверь фургона, забрался внутрь. Откинув крышку старого сундука, парень достал пару прутов и, оглядевшись, неожиданно для себя шагнул к сундуку, который собирала ему еще бабка Степанида.

Постояв над большим ящиком, Елисей осторожно поднял крышку и, вздохнув, принялся доставать из него лежавшие там вещи. В основном это была приготовленная ему одежда, иконы, книги и несколько коробок, которые уложила сюда сама бабка. Вспомнив, что одежду так хранить не стоит, иначе испортится, Елисей принялся переносить все в свою комнату. Освободив сундук, он достал несколько жестяных коробок и, удивленно хмыкнув, открыл крышку самой большой.

К его удивлению, в ней лежали все бабкины принадлежности для шитья и вязания. Растерянно покрутив головой, Елисей закрыл коробку и взялся за следующую жестянку. Тут были уложены всякие семейные мелочи, без которых не обходился ни один дом. В третьей коробке нашлись какие-то бумаги, выписки из церковной книги, а на самом дне кусок грубо обработанного кремня, просверленный в широкой части и подвешенный на шнурок.

Достав камень, Елисей растерянно оглядел его, машинально отметив, что длины шнурка как раз хватает, чтобы носить его на шее. Закрыв коробку, парень

присел на соседний сундук и, глядя на разложенные вещи, еле слышно спросил:

– Ну и зачем ты все это мне с собой положила? Неужто хотела, чтобы я на новом месте на такие мелочи не тратился? Хотя ты, бабушка, наверно, права. Дома без всего этого не бывает.

Сложив коробки обратно в сундук, Елисей закрыл крышку и, прихватив свинец, вышел из фургона. Машинально надев на шею шнурок с кремнем, он сунул камень за пазуху и, закрыв фургон, отправился в мастерскую. Поставив на огонь чашку с нарубленным свинцом, Елисей принялся собирать гранаты. К тому моменту, когда свинец полностью расплавился, очередной поддон был заполнен, и парень, сунув его под стеллаж, занялся отливкой пуль. Жестянки для оперения у него уже давно были нарезаны, так что работа спорилась.

Сняв с полки чугунок с готовым порохом, Елисей принялся переснаряжать патроны. Через четыре часа все пустые гильзы снова стали готовыми к употреблению патронами. Закончив, Елисей прибрал инструмент и окинул мастерскую хозяйским взглядом, отмечая, что продолжить выработку взрывчатки и пороха не получится. Кислоты осталось всего ничего. Пара литров в большой оплетенной бутыли.

Не мешало бы пополнить и запас хлопчатника. От двух больших тюков осталось столько, что удалось уложить все в корзину из-под фруктов. В общем, если осада в ближайший месяц не закончится, придется переходить на обычный порох. Да и то если свинец останется. Иначе придется переходить на белое оружие. С этими мыслями парень запер сарай и отправился снова на стену.

В лагере горцев все было так же, как раньше. Разбирали завалы, откапывали и хоронили убитых, перебирали оружие, в общем, наводили хоть какой-то порядок. За наблюдением за противником парня и застал комендант крепости. Подойдя, он осмотрел в бинокль лагерь противника и, вздохнув, тихо спросил:

– Сколько у тебя зарядов к мортире осталось?

– Еще тридцать штук, – вздохнул Елисей в ответ. – Но ежели они лагерь дальше перенесут, я не дотянусь. Этой-то ночью больше на удачу бил.

– А как еще ее использовать можно? – последовал быстрый вопрос.

– Ежели перед атакой строй поставят, можно попробовать в него стрелять. Или во время самой атаки. Душ по десять за раз выбивать станем.

– Понятно, – мрачно кивнул комендант. – Ладно. Придержим ее пока. С гранатами закончил?

– Так точно. Все, что было, зарядил и собрал. Бери да кидай. Эх, командиров бы их всех выбить, – не удержавшись, прошипел парень.

– И что было бы? – не понял комендант.

– Горцы тут турками собраны. А не станет турок, их клановые вожаки сразу между собой передерутся. За то, кто самым главным станет, тут же грызня начнется.

– А ведь ты прав, – задумчиво протянул комендант. – Только как это сделать?

– При штурме длинный штуцер возьму и стану только по командирам стрелять, – пожал Елисей плечами. – Иного способа не вижу.

– При твоём умении стрелять, для нас это будет, считай, потерей, – все так же задумчиво протянул штабс-капитан. – Но ты прав. Иного выхода нет.

– Одного не могу понять, – не удержавшись, высказался Елисей. – Почему они при таких потерях не уходят? Ведь ясно же, что дальше будет только хуже. Что мы не сдадимся.

– Вот и я этого не понимаю, – мрачно кивнул комендант. – Похоже, мы чего-то не знаем.

– Ну, причина тут может быть только одна. Вся эта затея нужна только затем, чтобы отвлечь войска от чего-то большего, – пожал парень плечами.

– Ты опять про большую войну? – скривился штабс-капитан. – Забыл, что тебе тот полковник сказал?

– Ваше благородие, – фыркнул Елисей. – Тот полковник, уж простите великодушно, дурак набитый. Павлин, умеющий только хвост распускать. А в военном деле и уж тем более в политике он ни черта не смыслит. Долдонит то, что при дворе генерал-губернатора говорить принято.

– Язык придержи, – жестко скомандовал комендант. – Политика не твоего ума дело.

– Угу, только за ошибки чиновников солдаты жизнями платят, – огрызнулся Елисей. – Я в этих местах родился и с детства голозадого знаю, что такое набеги горские отбивать.

– Не сомневаюсь, – кивнул штабс-капитан, испустив тяжелый вздох. – Да только за разговоры такие можно полную мощну неприятностей поиметь. В общем, думай, кому и что говоришь.

– Да это понятно, – отмахнулся Елисей, которого уже понесло. – Я ж не про всю политику, а про наше дело. Про то, почему горцы не уходят.

– Ну, тут еще подумать надо, – осторожно согласился комендант. – Мы, тут сидючи, только гадать можем. А военное дело, это не табор цыганский. Нам гадать не положено. Нам знать надо.

– Чтобы знать, «языка» скрасть надо, – снова фыркнул Елисей, успокаиваясь.

– Кого? – не понял штабс-капитан.

– Пленного. Пластуны их «языками» называли, – выкрутился парень.

– Это почему? – снова не понял комендант.

– Для чего пленного крадут? Для допроса. А допрос это что? Разговор. Вот и получается язык, для разговора о планах вражеских, – разложил ему парень, чуть улыбаясь.

– Ловко, – усмехнувшись, оценил офицер. – И коротко, и сразу понятно всё.

– Ладно. Пойду я, ваше благородие. Похоже, сегодня они ничего делать не станут. Им еще убитых до заката схоронить надо, – вздохнул Елисей, еще раз осмотрев лагерь противника в бинокль.

– Пожалуй, – кивнул комендант. – Что ж. Ступай. И про штуцер длинный не забывай. В этом деле на тебя вся надежда.

– Не забуду, – коротко кивнул Елисей и легко сбежал по лестнице вниз. «Может, пока время свободное есть, баню затопить? – подумал он, оглядывая свою одежду. – Постираться не мешало бы».

С этой мыслью парень быстрым шагом вернулся домой. Не застав хозяйку, он быстро скинул верхнюю одежду и принялся растапливать баню. Потом, натаскав воды, отправился к себе, готовить чистое исподнее. Вернувшаяся Наталья, застав его за этим занятием и услышав, что он собрался сам стирать себе вещи, только руками всплеснула, с ходу наехав на парня, словно тяжелый танк:

– Ты чего это меня позорить взялся?! Сказано, все, что надо, в корзину скидывай, сама постираю. А ты чего?

– Не буянь, Наталья, – рассмеялся Елисей, глядя на ее возмущенную позу. Кулаки в бедра и набыченный взгляд. – Тебя ж дома не было. Теперь-то, само собой, тебе стирать придется. Я только воды нагрею побольше. Чтобы и вам помыться и постирать хватило, – быстро выкрутился он, гася назревающий скандал.

– А вот это верно, – закивала женщина, моментально остывая. – Девки опять от соседей чумазые, словно поросята, прибегут.

– Не боишься их одних отпустить? – осторожно поинтересовался Елисей.

– Ну, ежели горцы прорвутся, то и я их не смогу защитить, – вздохнула Наталья. – А обстрела пушечного можно не бояться. Пушки-то горцам еще в первый день сбили. А бояться я давно уж отвыкла. Всю жизнь в этих местах живу. Да еще ты пару пистолей дал. Так и лежат заряженные. Только пороху на полки досыпать.

– Да уж. Казачек войной не напугаешь. Сначала поплачут с перепугу, а потом еще и сами мужьям станут ружья заряжать, – кивнул ей парень, подхватывая ведро для воды и направляясь к колодцу.

* * *

Следующие два дня прошли на удивление спокойно. Горцы и не нападали, и не отходили, выжидая под стенами крепости непонятно чего. И эта непонятность напрягала защитников больше всего. Как назло, из штаба округа, как для себя Елисей называл местный орган управления войсками, не было вообще никаких вестей. Хотя при обстреле было отправлено сразу трое посыльных и все должны были идти разными путями.

Сам Елисей, пользуясь затишьем, разобрал в фургоне всю свою поклажу и вернулся к обычному распорядку дня. Усиленные тренировки. Это тело нужно было приводить в полный порядок, и парень делал для этого все, буквально доводя себя до изнеможения. Вот за такой тренировкой и застал его старый казак, владевший сразу двумя клинками. Из рабочей сосредоточенности Елисея вывел его голос, громко похваливший:

– Ай, молодца, казак! Ай, любо!

Закончив связку, Елисей провернул в руках кинжалы и, убрав их в ножны, вежливо поклонился, подходя к плетню.

– День добрый, дяденька.

– И тебе не хворать, молодец, – усмехнулся старик. – Смотрю, не бросаешь пляску. То добре. А чего все кинжалами только. Неужто никто не показывал, как с шашкой плясать?

– Пока батька жив был, мне годов не хватало, а как в силу вошел, так его нет, – угрюмо буркнул Елисей, утирая ладонью пот с груди.

Его пальцы зацепили висевший рядом с крестиком кусочек кремня, и старик, машинально проследив за его рукой, вдруг насторожился.

– А что это у тебя, казачок, такое на шее висит? С крестом рядом?

– Бабка повесила, пока болел, – выдал Елисей самую подходящую версию. – А что до того, что это, так кремень.

– Кремень, говоришь, – задумчиво переспросил старик. – А ты знаешь, что именно этот камень значит?

– Знаю только, что его называют камень воинов, – пожал парень плечами, не желая вдаваться в подробности, потому как и сам не понимал, зачем именно надел это украшение на шею.

– Это сынок, громовая стрела Перуна, – вздохнув, тихо поведал старик. – Вот уж не думал, что увижу такую еще у кого. – С этими словами он расстегнул ворот рубахи и вытянул за шнурок точно такой же наконечник.

«Оп-па, выходит, тут свой закрытый клан воинов есть, в который кто-то из моих местных предков входил», – мелькнула у Елисея мысль.

– Что ж. Выходит, нас сам громовержец свел, – еще тише протянул старик и, качнув головой, резко приказал: – Как свечереет, приходи к стене, где три сарая стоят. Там поговорим.

– В одном из тех сараев моя мастерская. Там собраться можно, – чуть подумав, предложил Елисей.

– Так это ты оружейник? – удивился старик.

– Я.

– То добре. Там и встретимся, – кивнул казак и, развернувшись, поспешил куда-то по своим делам.

«Так. Похоже, я, сам того не зная, куда-то влез. Теперь надо понять, куда именно и как оттуда вылезти, желательно одним куском», – думал парень, провожая его взглядом.

Умывшись ледяной колодезной водой, Елисей вернулся в дом и, надев чистое исподнее, принялся вспоминать, что ему нужно еще сделать в сарае. Отыскав в своих сумках еще полсотни гильз для пистолета, он прихватил пруток свинца и отправился переснаряжать патроны. Это занятие ему никогда не надоедало. Экипировавшись так, словно в бой собрался, парень вышел со двора и спустя четверть часа уже разжигал огонь в печи, готовясь к работе.

Все гильзы для винтовок у него были снаряжены, так что снарядить все оставшиеся гильзы к пистолету, что называется, сам бог велел. Пока плавился свинец, парень успел обработать остатками кислоты последние крохи хлопчатника и, отложив его подсыхать, принялся отливать пули. Так он провозился до самого вечера. Уже в сумерках, когда в сарае стало темно так, что работать было невозможно, Елисей затеплил свечной фонарь и, прибрав остатки материалов, распахнул дверь.

Словно дождавшись этого знака, кто-то постучался в косяк двери и от порога раздался смутно знакомый голос:

– Войти дозволишь, хозяин?

– Гость в дом, бог в дом, – усмехнулся Елисей, поворачиваясь к дверям. – Входи, дядька Радмир.

Переступив порог, казачий десятник снял папаху и, поклонившись огню, горевшему в печи, с интересом огляделся.

– Вот, значит, где ты свои придумки собираешь, – усмехнулся он.

– Пришлось на поклон к коменданту идти, – кивнул Елисей. – Дело уж больно опасное. Того и гляди, или вспыхнет чего, или взорвется. Вот и пришлось такое место искать, чтоб беды не случилось.

– Добре придумал, – одобрил казак. – Это из этой мортиры ты горцам лагерь порушил? – тут же спросил он, приметив в углу ствол миномета.

– Из этой.

– И не просто порушил, а еще и страху на них серьезного нагнал, – слышалось от двери, и в сарай шагнул подъесаул, командовавший казаками в ночной вылазке. – Дозволишь ли войти, хозяин?

– Сделай милость, – улыбнулся Елисей в ответ.

Не успел подъесаул пристроиться на лавке, которую Елисей заранее приготовил для приема гостей, накрыв ее парой овчинных шкур, как в дверях появился старик. Увидев его, казаки дружно поднялись и, сняв папахи, отвесили глубокий поклон. В этом жесте не было ни капли подобострастия. Только глубокое, неподдельное уважение. Елисей, глядя на них, не поленился повторить поклон. Что называется, спина не переломится.

– По здорову ли, казаки? – спросил старик, склонив голову в ответ.

– Милостью Божьей, – негромко отозвались бойцы.

– Прикрой дверь, казачок, – попросил старик, усаживаясь на лавку и тяжело вздыхая.

Елисей быстро выглянул наружу и, убедившись, что посторонних рядом с сараем нет, плотно закрыл дверь. Потом подхватив с полки еще пару свечей, запалил их, расставив так, чтобы всех собравшихся было хорошо видно.

– Я вот чего собрал вас, казаки, – одобрительно кивнув, тихо заговорил старик. – В Пригорской у нас сколько воев было, кто помнит?

– Так Мирослав, Никифор в миру, и Руслан Кречет, – быстро ответил подъесаул и, вдруг замерев, удивленно уставился на Елисея. – Погоди. Ты вроде тоже Кречет? – уточнил он, рассматривая парня.

– Верно. Елисей Кречет. Руслана Кречета внук, – настороженно кивнул парень.

– От значит как, – растерянно протянул десятник. – А я все гадаю, откуда у тебя выучка такая.

– Не доучили его, – вздохнул старик. – Руслан с сыном в мор померли, когда мальчонке возраста подходящего не было. А бабка перед смертью ему на шею громовую стрелу дедову повесила. Вот такие дела, – прокряхтел старик.

– Быть того не может, – ахнули казаки.

– Покажи им, – коротко велел старик, повернувшись к Елисею.

Парень молча расстегнул ворот рубахи и, вытянув кремень, продемонстрировал его собравшимся.

– Совсем сдурела баба, – растерянно проворчал подъесаул. – А ежели б громовержец осерчал да прибил парня?

– Я и так в нави был. Вот она, похоже, и решилась последнее средство испробовать. Поп-то наш меня уже отпеть успел, – вступился Елисей за покойную бабку.

– Похоже, – задумчиво кивнул старик. – Видать, потому он один из всей станицы и выжил.

– У Никифора сабля была, шамшерка, – грустно улыбнулся десятник. – Добрый клинок. Сам его в Персидском походе взял.

– У меня она, – тихо ответил Елисей, припомнив саблю великолепной стали, что оставил ему старый казак. – Он как всех сынов схоронил, меня наследником оставил. Сам лучшее оружие к бабке на двор принес. Словно знал, что убьют скоро.

– Эх, – крикнул подъесаул, растерянно почесывая в затылке. – Чтоб тебя...

– Мало нас осталось, казаки, – помолчав, снова заговорил старик. – А тут юный вой с громовой стрелой и без печати проклятья старого. Думаю, это знак нам, братья.

– В чем знак, старшой? – почтительно поинтересовался подъесаул.

- Ему на мое место приходиться, - сказал, словно припечатал, старик. - Учить его станем. Всё. Ермил начал, а нам заканчивать.

- Выходит, он тоже... - сообразил Елисей.

- Также, - устало кивнул десятник. - И за ловкость твою земной наш поклон тебе, парень. Доброе дело ты сделал. А про попа нашего забудь. Дурень он долгогривый. Ну да с жинкой Ермиловой ты и сам говорил.

- Угу, - окончательно растерявшись, кивнул Елисей.

- В общем, так, Елисей. Просил ты меня двуручному бою тебя обучить. Помнишь? - с лукавой усмешкой уточнил старый казак.

- Еще б не помнить, - вздохнул парень.

- Вот и станешь учиться. Уж прости, наследником тебя назвать в миру не могу, но мастерство воинское передам все, без остатка. Да и они научат всему, что сами знают, - добавил старик, кивая на казаков.

- Благодарствую, дяденька, - поднявшись, Елисей поклонился ему в пояс.

- Зови меня дядька Святослав, - наконец назвал старик.

- Странные у вас имена, - не удержавшись, вслух подумал парень.

- Так и у тебя не лучше. Да и чем они странные? - с улыбкой поинтересовался десятник.

- Не по святцам, - тут же нашелся Елисей.

- То славянские имена, - тихо рассмеявшись, ответил старик. - А чтоб тебе понятнее стало, присядь, послушай, что расскажу. Вера греческая в наши края пришла, когда наши пращурь в этих степях с хазарами резались, и воины тогда Перуну поклонялись. Так и назывались, сыны Перуновы. И знак их была та самая громовая стрела. Потому и говорят у нас, казак от рода. В том смысле, что род от старых времен идет. Есть пришлые, что от власти бежали. Но они род с другого

времени считают. Когда тут семью завели. А наши пращуры тут всегда жили. Потому мы и с горцами легко друг друга понимаем. И кунаками с ними становимся, и на бабах их женимся.

«Блин, точно. Каспий-то раньше Хазарским морем назывался. Выходит, это потомки каких-нибудь кривичей, или древлян, или еще кого. Твою маман, ни хрена из той истории не помню», – мысленно выругал себя Елисей.

– Выходит, у вас тут и капище свое есть? – осторожно поинтересовался парень.

– Есть, – спокойно кивнул старик. – И кланяемся мы Перуну на нем, как наши пращуры кланялись.

– А жрецом у вас кто? – не удержался Елисей.

– Нет у Перуна жреца, – чуть скривившись, качнул подъесаул головой.

– Не серчай, Ждан, – улыбнулся ему старый казак. – Юность, она любопытная. Забыл себя в том возрасте?

– Тоже верно, – заметно смутился подъесаул с таким древним именем. – Ты вот что, – повернулся он к парню. – Промеж своих я Ждан. А в миру зови дядькой Степаном. Не надо, чтоб другие знали.

– Добре, дядька Степан, – быстро кивнул Елисей. – Запомню.

– Добрый вой растет, – с усмешкой проворчал старик. – Видел я, как он с кинжалами пляшет. Любо смотреть было. И заметь, Ждан. Сам пляшет. Ни к кому на поклон не идет. Хотя и просил меня научить, а второй раз кланяться не стал, – тут старик хитро покосился на парня.

– А чего попусту поклоны бить, – пожал Елисей плечами. – Сам сказал, семейное это мастерство. А такое за серебро не купишь.

– Ай, молодец! – снова рассмеялся старик. – Разом все понял. Был случай, за мной один офицер месяц бегал, все обучить просил. Деньги большие сулил, а все никак главного понять не мог. Что семейную тайну так просто не купишь. А ты

сразу понял. Любо!

– В семье старым укладом жили, – развел Елисей руками. – Потому и стараюсь сам себя держать. В нахлебники ни к кому не прошусь.

– Доброго казака вырастили, – усмехнулся подъесаул и, поднявшись, крепко хлопнул парня по плечу. – Знаю я, что ты Наталье крепко в хозяйстве помог. И про козу, и коней знаю. И то, что завсегда девкам ее гостинцы возишь. Все знаю. Правильно живешь, казак.

– Захвалите парня, черти, – осадил его хвалебную речь старик. – В общем, завтра, с первым светом, на моем подворье будь. И пару клинков прихвати. Любых. Учиться и с плохими можно. С ними даже лучше. Себя не поранишь. А дальше, как громовержец решит.

– Благодарствую, казаки, – сдернув папаху, в пояс поклонился Елисей.

Переглянувшись, его будущие учителя поднялись и, степенно склонив головы, вышли из сарая.

«Похоже, завтра начнется новый этап моей жизни», – подумал парень, глядя им вслед.

* * *

Утро началось с очередной попытки горцев штурмовать стены крепости. Набатный колокол ударил, когда солнце едва только позолотило верхушки деревьев. Слетев с кровати, Елисей буквально запрыгнул в штаны, вбил ноги в сапоги и, накинув рубашку, сгреб в охапку черкеску и оружие. Благо, ничего искать было не нужно. Оружие, амуниция, боеприпасы, все это изначально хранилось у парня в определенном порядке и всегда было готово к употреблению.

Рысью, подбегая к воротам, Елисей на ходу застегивался, затягивал пояс и накидывал на себя ремни амуниции. На стене он уже стоял полностью готовым к бою. Наудачу защитников, дежурная смена солдат на стенах не спала и вовремя заметила подходящего противника. Солдаты, подчиняясь приказу дежурного

офицера, открыли пристрелочный огонь, на что Елисей только поморщился. Дальность выстрела гладкоствольного оружия в таких условиях невысока, так что это был пустой перевод припасов.

– Ты чего рожу корчишь? – вдруг выверился дежурный прапорщик, заметив мину парня.

– Далеко. Глупо попусту порох жечь, – фыркнул в ответ Елисей.

– А когда пора будет, по-твоему? Когда они под стенами будут? – зарычал прапорщик, возмущенно глядя на парня.

– Вот еще полсотни шагов сделают, и можно будет залпом выстрелить. Два залпа вы сделать успеете. А вот дальше кто во что горазд. Тут уж все от личных умений зависеть будет, – спокойно ответил Елисей, внимательно наблюдая за движением войск противника.

– Вот так посмотрел и все увидел? – не поверил ему прапорщик.

– А вы попробуйте. Хуже-то все равно не будет, – поддел его парень, плавно вскидывая длинный штуцер.

Грохнул выстрел, размахивавший руками мужик рухнул в траву.

– Да чтоб тебя, – растерянно выругался прапорщик. – А говоришь, солдаты в толпу не попадут. Ты же попал.

– Попал. Да только у меня штуцер с оптическим прицелом, а у солдат обычные гладкоствольные ружья. Да и стрелять они умеют кое-как, – не сумел промолчать парень.

– А ты, значит, в этом деле мастер, – фыркнул прапорщик.

– Ну, в кого стрелял, никто не жаловался, – хищно усмехнулся Елисей, снова вскидывая винтовку.

Увидев, как упал очередной вражеский командир, прапорщик досадливо закусил ус и, развернувшись, зашагал к своему взводу, всей спиной выражая возмущение таким положением дел.

«Не выпался он, что ли?» – хмыкнул Елисей, бросив ему вслед короткий взгляд.

Быстро перезарядив штуцер, парень сместился к соседнему зубцу стены и, приметив очередного командира, выстрелил. Похоже, турки сообразили, что на них началась охота, потому что от приближавшейся толпы отделилось примерно полтора десятка человек, которые поспешили отойти назад. Но от этой группы то и дело отбегал человек и, добравшись до штурмующих, принимался что-то объяснять.

«Ага, решили посыльными обойтись. Не выйдет, эфенди. Лучше свое мясо учить надо было», – усмехнулся про себя парень, беря на прицел очередного вестника.

– Елисей, ты кого там отстреливаешь? – слышался вопрос.

Оглянувшись, парень узнал подходившего и, усмехнувшись, ответил:

– Офицеры турецкие сообразили, что я на них охоту открыл, и теперь командовать стали, посыльных отправляя. Вот пришлось за них взяться, дядька Радмир.

– Это вон те, что ли? – уточнил десятник, приметив группу в стороне от места событий.

– Они самые. Далеко встали, не дотянусь. А вот посыльным их рты закрыть, это получается, – пояснил парень, снова спуская курок.

– Ох, и ловкий же ты в стрельбе, бесенок, – удивился десятник, заметив результат его выстрела.

– Со штуцером шулки плохи, – усмехнулся Елисей в ответ, быстро перезарядя винтовку.

– Слушай, а ежели тебе их тут три штуки поставить, и одного казачка из молодых, чтобы заряжал, как быстро стрелять сможешь? – вдруг спросил Радмир.

– У меня прицелов столько нет, – рассмеялся Елисей. – А без них на дальнее расстояние стрелять, только порох жечь. Это надо три таких, как у меня, штуцера делать.

– Да уж, оружие у тебя знатное, – согласился десятник. – Сразу видно, мастера работа. Ладно. Пойду, тоже постреляю. А то вон горцы уже под стену подобрались, – указал он в левую от ворот сторону.

На этот раз горцы пытались штурмовать только один участок стены. Быстро выглянув наружу, Елисей огляделся и, втянувшись обратно, мрачно проворчал:

– Блин, как бы это не оказалось отвлекающим маневром. Ну не тупые же они, чтобы все силы только на один участок бросать.

Пристрелив очередного посыльного, парень подхватил свои пожитки и прямо по стене побежал на другую сторону крепости, попутно проверяя подходы при помощи бинокля. Он почти добрался до вторых ворот, когда в той стороне вспыхнула яростная перестрелка.

– Твою мать! Так и знал, – зарычал парень и прибавил шагу.

Оббежав очередной барбет, или как он там называется, Елисей выскочил к участку, где завязался бой, и, остановившись, вскинул винтовку. Выстрел, и очередной абрек, с воем зарубивший растерявшегося солдата, рухнул на помост, обливаясь кровью. Похоже, турки отправили в эту штурмовую группу лучших бойцов. Выпуская пулю за пулей, Елисей краем сознания отмечал про себя, что все им убитые были крепкими, зрелыми мужиками, умевшими воевать. Матерые, сильные, готовые убить или умереть, они прорывались на стену, несмотря на потери.

В очередной раз спустив курок, Елисей выхватил из подсумка гранату и, пробежав вперед, выдернул чеку. Перегнувшись через стену, парень размахнулся и швырнул снаряд прямо в гущу штурмующих. Быстро выпрямившись, Елисей едва успел пригнуться, пропуская над головой

свистнувший клинок шашки. Пока он возился с гранатой, очередной абрек успел срубить солдата и ринулся к нему, очевидно сообразив, что парень заглядывал через стену не просто так.

Понимая, что винтовка тут не поможет, Елисей в очередной раз увернулся, нырнув под клинок шашки, и, бросив винтовку на настил, выхватил кинжалы. Два бевута он постоянно носил на поясе за спиной. Зашипев от злости, горец ловко повернул в руке шашку и, чуть переступив ногами, сделал стремительный фехтовальный выпад, целя Елисею в горло. Шашка – не сабля и для колющих ударов не предназначена, но такой удар вполне мог раздробить парню кадык.

Дальше все просто. Задохнувшегося от боли противника легко можно будет зарубить. Качнувшись корпусом в левую сторону, Елисей перехватил клинок шашки кинжалом и, отбросив его в сторону, сам сделал выпад левой рукой. Клинок разрубил бешмет горца, заскрежетав по железу. Силы удара парня не хватило, чтобы нанести серьезную рану.

«Твою ж дивизию! Да он же в кольчуге, – охнул про себя Елисей, в очередной раз уходя от секущего удара. – Хреново. Значит, бить надо только в лицо и горло. Можно еще кисти рук рубить. До других мест не дотянись».

Заметив краем глаза, как на стену вскарабкался очередной башибузук, Елисей качнулся к противнику, вытягивая его на себя и провоцируя на атаку, и тут же приставным шагом отскочил в сторону и вперед. Не ожидавший такого финта горец провалился в удар, и Елисей не промахнулся. Булатный клинок кинжала коротко, почти нежно коснулся жилистой шеи абрека, и тот, захрипев, начал оседать, не выпуская из руки шашку.

Кинжал парня перерубил ему горло. Кровь толчками выплескивалась на плечо и грудь горца. Прыжком добравшись до штуцера, Елисей вскинул винтовку и тут же положил очередного абрека, взобравшегося на стену. Дальше он действовал, словно автомат. Выстрел – перезарядка, выстрел – перезарядка. Плотность его огня заставила горцев дрогнуть, и солдаты, воспользовавшись их замешательством, сумели очистить стену.

Жердью они столкнули со стены лестницу, и Елисей, подбежав к месту прорыва, не раздумывая, отправил под стену очередную гранату. Потом, отложив штуцер,

он достал пистолет и, перегнувшись через стену, принялся отстреливать выживших горцев. Бежать от стены открыто они не рискнули, так что пытались уходить вдоль нее. Один из солдат попытался поддержать его огнем, но парень, увидев у него в руках старый пистолет с кремневым замком, только скривился, жестко приказав:

– Не высовывайся с этим старьем. Лучше ружье возьми. Если от стены пойдут, хоть одного снять успеешь.

От стены сумели уйти примерно два десятка из штурмовой группы. Убедившись, что атака отбита, Елисей перезарядил винтовку и, оглядевшись, отправился собирать трофеи. Глядя, как он спокойно ворочает тела, солдаты только переглядывались и головами качали. Собрав все, что представляло хоть какую-то ценность, Елисей окликнул пару ближайших солдат, устало кутивших под стеной, и, указывая на трупы, посоветовал:

– Скиньте их вниз. Пусть забирают. А то жарко, загниют, сами задохнемся и до беды недалеко.

Сообразив, что совет им дали дельный, солдаты принялись перекидывать тела через стену. Оглядевшись, Елисей вдруг понял, что его все это время беспокоило. Среди солдат не было ни одного офицера или прапорщика. Даже унтер, которых в некоторых случаях назначали командовать обороной участка, и тот отсутствовал.

– А кто у вас тут за старшего? – не удержавшись, поинтересовался Елисей, когда солдаты закончили с телами.

– Унтер был. Убили его. Абрек срубил, – угрюмо сообщил немолодой солдат с роскошными усами. – Кабы не ты, мы б тут все полегли.

– Одно дело делаем, – отмахнулся Елисей. – А как же вы их к стене подпустили? Неужто не видели.

– В том-то и дело, – вздохнул солдат. – Они, видать, откуда-то со стороны под стеной подошли. Увидели, когда они уже через стену полезли. А злые, жуть. Унтера первым и срубили. Он выстрелить успел. Ну, а дальше ты видел. Солдатиков жалко. Молодые полегли, – вдруг вздохнул солдат. – Мало служили

еще. Опыта нет. Испугались, вот и... – вздохнув, он махнул рукой и принялся сворачивать сигарку подрагивающими пальцами.

– С пистолетами все обращаться умеете? – подумав, спросил Елисей.

Удивленно переглянувшись, солдаты дружно закивали.

– Хорошо. Тогда вон из моих трофеев все пистолеты разберите. Чтоб у каждого хоть один запасной ствол к ружью был. Тогда у вас почитай сразу два залпа будет.

– Да как же, – растерянно всхлипнул солдат, рассказывавший про нападение. – Это ж трофеи твои. Да и не положено нам.

– А вы особо ими перед офицерами не размахивайте. В мешки приберите и пусть до боя лежат. А как на дежурство пришли, достали да зарядили. Так и воюйте, – усмехнулся Елисей.

– Неужто так отдашь? – не поверил солдат. – Они ж хороших денег стоят.

– А душа православная сколько стоит? – без улыбки поинтересовался Елисей. – Меня с того прибýtка совесть заест. Мне деньги, а простому солдату смерть. Берите, – жестко скомандовал он, и солдаты, поминутно оглядываясь на него, потянулись к куче трофеев.

Быстро разобрав пистолеты, они принялись вертеть их, рассматривая со всех сторон, изучая механизмы. Заметив, что многие из солдат имеют раны, Елисей приказал им построиться и, обходя строй, принялся осматривать раны. Отобрав пяток бойцов с глубокими порезами, парень приказал им отправляться к врачу. На все возражения он только пожимал плечами, с усмешкой обещая, что в ближайшие часы горцы новой атаки не предпримут и что перед комендантом он отвечать сам станет.

Оставив вещи и оружие на стене, солдаты потянулись к лазарету. Ветеран, с которым Елисей и завязал разговор, окинув парня долгим, задумчивым взглядом, неожиданно посетовал:

– Жаль, что тебя к нам старшим не поставили. Тогда, глядишь, и смертей меньше б было.

– А что, унтер так плох был? – удивился парень.

– Строевик он. На плацу цены нет. А вот воевать не умел, царствие ему небесное, – перекрестился ветеран. – А вот ты, сразу видно, что местный. Все враз понял. И командуешь так, словно всю жизнь так живешь.

– Я от рода казак, – улыбнулся Елисей. – А казаки войной живут, с войны кормятся.

* * *

Похоже, сорвавшийся прорыв выбил нападавших из колеи. Во всяком случае, следующие четыре дня они ничего не предпринимали. Только блокировали ворота, не давая защитникам крепости выйти. Пользуясь затишьем, Елисей занялся тренировками со старым казаком. Утром следующего после атаки дня он явился к нему на двор, неся в руках две шашки, из своих запасов. Дед Святослав встретил его сидя на лавочке у крыльца.

Увидев парня, старик одобрительно кивнул и, не поднимаясь, негромко сказал:

– Знаю, про бой твой вчерашний. Ловко дрался. Любо. С кинжалами против шашки, это суметь надо. Молодца.

– Благодарствую, дядька Святослав, – вежливо поклонился парень. – Что делать?

– Скидай рубашку и бери шашки в руки, – коротко скомандовал старик.

Разогреться Елисей успел еще дома, когда встал. Так что к серьезной тренировке он уже был готов.

– Клинки у тебя дерьмо, но для учебы хватит. Не тяжелы для тебя? – быстро уточнил старик, внимательно следя за запястьями парня.

– Главное, что не легки, – чуть усмехнулся Елисей. – Мне все равно тело разрабатывать надо.

– Это как? – не понял казак.

– Ну, силу в руках поднимать, – перевел парень, делая себе в памяти зарубку, что тут нужно говорить осторожно.

– Это верно. В руках тебе силу растить нужно, – кивнул казак. – Добре. Сам так решил, так что потом не хнычь.

– Не стану, дядька Святослав.

– Теперь одну руку медленно вверх поднимай, а вторую назад веди. Тоже медленно. Нет. Еще медленнее. Еще. По волосу двигайся, пусть тело само все запомнит.

«Оп-па, да тут, оказывается, такие приемы тоже в ходу, – удивился про себя парень. – Нарботать мышечную память в медленном движении, чтобы потом при необходимости ускориться».

Сообразив, что от него требуется, Елисей принялся двигаться очень медленно. Так, словно не двигался, а едва шевелил конечностями. Медленно, еле заметно со стороны. Старик то и дело отдавал ему команды, подправляя его действия. Это продолжалось почти два часа, когда во двор вошел крупный, дородный мужчина с длинной, окладистой бородой. Увидев его, старик чуть покривился и тут же вернулся к обучению парня.

Вошедший несколько минут наблюдал за движениями Елисея, после чего, презрительно хмыкнув, громко сказал:

– Чего это ты, дедушка, решил на приблуду безродного время тратить? Да еще и тайну семейную ему передавать?

– Тебя не спросил, дурья башка, – рыкнул в ответ Святослав. – Иди куда шел.

– Дед, сам же говорил, что это тайна семейная, – не унимался мужик. – Или ты решил его наследником оставить? Неужто от родной крови откажешься, дед?

– Да замолчи ты, бестолочь! – рявкнул старик так, что вздрогнул даже Елисей. – Этот паренек и сейчас двоих таких, как ты, на ленты порежет и не запыхается. Сами-то ничему научиться не сумели, бестолочи. Одно звание, что казаки.

– Он? Меня? – угрюмо спросил мужик, наливаясь дурной кровью. – Да я его одной рукой переломаю.

– Одной рукой, говоришь? – резко успокоившись, негромко прошипел старик. – А попробуй. Елисей, отложи шашки.

Не ожидавший такого захода, парень растерялся, но покорно положил клинки на лавку.

– Бебуты свои бери, – продолжал командовать старик.

Без кинжалов Елисей даже в уборную не ходил, так что и на тренировку явился с ними.

– Так значит, – продолжал командовать старик. – Неси свою шашку. Заденешь его, – тут старик ткнул пальцем в Елисея, – не стану его учить. А ежели он тебе бородищу твою на ходу обрежет, не обессудь. Передам ему мастерство свое без остатка. А слова твоего с той поры никто в доме слушать не станет. Потому как пустобрехом себя выставишь.

«Жестко завернул дедушка», – присвистнул про себя Елисей.

– А ты, казачок, не тушуйся. Срежешь ему бороду, считай, что должен я тебе, – повернулся к парню старик.

– Зачем же круто так? – не удержался Елисей.

– А то мое дело. Хочешь учиться, делай, что велю, – отрубил старик.

– Как скажешь, – вздохнул парень, понимая, что нажил себе очередного врага.

Мужик, оказавшийся внуком Святослава, быстро вынес из дома шашку и, рывком выдернув ее из ножен, зло прохрипел:

- Ну, всё, щенок. Живым ты отсюда не уйдешь.

С этими словами он ринулся вперед, вскидывая клинок. Выхватив кинжалы, Елисей привычным движением провернул их в пальцах и, качнувшись из стороны в сторону, скользнул под падающую шашку. Клинок просвистел в нескольких сантиметрах от тела парня, а Елисей, стремительно выпрямившись, взмахнул кинжалом вдоль щеки противника. Клок срезанной бороды, подхваченный ветром, отлетел в сторону.

- Ай, любо! - рассмеялся старик, постукивая своей клюкой по утопанной до каменной прочности земле. - Что, Васька, не ожидал? Это только начало было.

Мужик попытался с ходу развернуться, чтобы нанести обратный удар, но Елисей успел шагнуть ему за спину и резким ударом под колено сбил его атакующий порыв. Нога Василия подогнулась, и парень тут же добавил ему по второй ноге. Не удержавшись, мужик рухнул на колени, и парень двумя взмахами кинжалов доделал начатое. Глядя на эту картину, Святослав хохотал до слез. Дождавшись, когда парень отойдет назад, старик подошел к внуку и, глядя на него с нескрываемым презрением, фыркнул:

- В мать. Нет в тебе огня воинского. Купец, не вой. Ступай отсюда. Своими делами займись, а в мои лезть не смей больше. Прочь поди.

Подобрав оброненную шашку, Василий тяжело поднялся и, ощупывая ладонью лицо, поплелся к дому.

- Наел сала дурного, - мрачно проворчал ему вслед старик. - Еле ноги таскаешь.

Василий, проходя мимо Елисея, одарил его мрачным взглядом и тихо, чтобы не слышал старик, пригрозил:

- Увижу тут еще раз, пристрелю.

– Попробуй, – жестко усмехнулся Елисей в ответ. – Только не удивляйся, если в ответ пулю получишь. А как я стреляю, можешь на стене спросить.

– Так ты тот самый, что вчера горцев побил? – вдруг резко остановившись, спросил Василий, уже не понижая голоса.

– Он и есть, – отрезал вместо парня старик. – Или ты решил, что я и вправду ума лишился и не знаю, кому мастерство свое отдаю?

– Дед, я...

– Ступай, Васька. Сам не умеешь, так хоть другим не мешай, – махнув рукой, тяжело вздохнул старик.

Василий убрался в дом, а Святослав, глядя ему вслед, грустно вздохнул:

– Вроде и человек добрый, а воевать совсем не назначен. Огня в душе нет. Да еще боится все, что я его наследства лишу. А зачем оно мне? В домовину себе я хозяйство не положу. Ну да бог с ним, – взяв себя в руки, решительно заявил старик. – Бери шашки. Учить тебя стану.

Три часа Елисей стоял посреди двора, едва двигая двумя шашками в разных направлениях. Это было тяжело, мучительно, но он крепился и, сцепив зубы, заставлял себя делать все, что приказывал старый казак. Святослав то и дело при помощи клюки подправлял его движения, после каждого раза заставляя замереть в нужной позиции. Наконец, устав сам и умотав парня, старик тяжело вздохнул и, присев на лавку, махнул рукой:

– Хватит покуда. Седмицу сам все повторяй каждый день. А после придешь, дальше показывать стану. Но прежде посмотрю, что выучил.

– Добре, – кивнул парень, направляясь к колодцу.

Умывшись и смыв пот и пыль, Елисей хотел было забрать свои клинки, но старик, махнув рукой, посоветовал:

– Тут оставь, я приберу. Дома, небось, еще десяток лежит. Сказывали мне, сколько ты всякого с горцев взял.

– Найду, – усмехнулся Елисей в ответ.

– Вот ими и учись. Заодно привыкнешь разными клинками работать. А попусту таскать шашки по улице не стоит. Раз принес, и хватит.

– Как скажешь, дядька Святослав, – покорно кивнул парень.

– И спорить не станешь? – ехидно усмехнулся старик.

– А чего попусту воздух сотрясать? – пожал Елисей плечами. – Я к тебе учиться пришел, а не споры спорить. А уж как учить, тебе оно виднее. Мое дело слушать, запоминать да исполнять со всем прилежанием.

– Похоже, и вправду зацепила тебя наука моя, – одобрительно кивнул старик. – Добре, ступай. Через седмицу увидимся.

Попрощавшись, парень вышел со двора и зашагал к своему подворью, чувствуя, как ноют уставшие от непривычных нагрузок мышцы. Его ежедневные тренировки проходили совсем в другом ключе. Поэтому и работали совсем другие группы мышц. Да и с длинными клинками ему раньше не приходилось иметь дела. Именно поэтому у него больше всего устали предплечья. Шагая по улице, Елисей то и дело сжимал кулаки и шевелил пальцами, пытаясь снять напряжение.

Дома, переодевшись в чистое, он огляделся и, припомнив, что давно не занимался обычными делами, отправился во двор. Требовалось нарубить дров из притащенного из леса сухостоя и натаскать воды в бочки для полива огорода. Закончив, парень вернулся в свою комнату и, едва войдя, замер на пороге, не веря собственным глазам. На его одежде, которую он сбросил после тренировки, лежала кошка Мурка, вылизывая двух новорожденных котят.

– Мать твою, старуха, ты как это сподобилась? – растерянно поинтересовался Елисей, осторожно присаживаясь на лавку, рядом с кошкой. – А остальные где? Или их только два было?

Оторвавшись от котят, Мурка повернулась к нему и, вздохнув, тихо муркнула. Потом, облизнувшись, снова принялась наводить на потомство лоск.

– Так. А ведь ты, подруга, похоже, родила их в другом месте, а сюда после перетащила. Решила, что тут безопаснее будет. Ладно. Сейчас тебе попить принесу.

Поднявшись, Елисей вышел и, отыскав подходящий черепок от разбитой кружки, наполнил его водой. Просить у и так небогатой вдовы блюдце для кошки он посчитал неправильным. Поставив черепок рядом со своими вещами, парень снова вышел и, найдя в сарае старую широкую корзину, принялся устраивать кошке гнездо. Разорвав пару своих старых изношенных рубашек, Елисей выстелил дно корзины и, занеся ее в комнату, поставил под стол, в самый угол. Так, чтобы лишний раз не беспокоить кошку.

Потом, взяв Мурку на руки, он осторожно переложил ее в корзину и туда же отправил двух новорожденных котят. Старательно обнюхав новое логово, Мурка выскочила из корзины и, напившись, быстро вернулась обратно. Улегшись, она откинула заднюю лапу, носом подталкивая котят к соскам, и, прикрыв глаза, громко замурлыкала.

– Ага. Мои усилия оценили, – усмехнулся парень, внимательно наблюдая за кошкой.

Шаги за дверью он услышал раньше, чем в дверь постучали. Поднявшись, он открыл и, увидев одну из дочек хозяйки, спросил:

– Чего тебе, егоза?

– Mamka вечерять зовет. А еще кошка твоя пропала. Ушла вчера, и нету.

– Пришла уже. Вон, под столом спит, – сообщил Елисей, тыча пальцем себе за спину.

– А, ну ладно, – обрадовалась девочка и, тут же развернувшись, куда-то унеслась.

Прикрыв за собой дверь, Елисей помыл руки у колодца и отправился в дом.

Пужинав, Елисей вернулся к себе и от нечего делать принялся чистить оружие. Попутно проверив количество оставшихся боеприпасов, парень горестно вздохнул. Из трех сотен патронов осталось всего сто восемьдесят. Пострелять пришлось немало, а пополнить запасы пока было нечем. Зато к пистолету патронов оказалось более трехсот.

Вот тут парень удивился самому себе. Вроде столько гильз он и не заказывал и тем более не оплачивал. Выходит, все это скопилось за то время, пока он ездил в Пятигорск, а ювелиры передавали ему их в качестве бонуса за изобретения. Впрочем, такой новости Елисей обрадовался. Сдаваться или попадать в плен в его планы никак не входило. Если дело дойдет до последнего боя, то он и вправду должен стать последним. С этой мыслью Елисей достал из ящика одну гранату и отложил ее в сторону.

* * *

Спустя еще два дня случилось, наконец, то, чего так страстно желали обитатели крепости. От города подошли войска, и горцам пришлось спешно отходить в горы. Понимая, что прямого боя им не выдержать, абреки под командой османов начали выставлять заслоны и спешно уходить, бросая весь скарб, кроме оружия и боеприпасов.

Вышедшие из крепости навстречу войскам казаки вволю повеселились на остатках брошенного лагеря. Поучаствовал в этом развлечении и Елисей. Отказываться от трофеев означало снова привлечь к себе излишнее внимание, так что выбирал парень только то, что имело ценность в его глазах. Порох, свинец, деньги и, конечно, оружие. Но не абы какое, а только нарезные штуцера или булатные клинки. Благо определять качество стали и уровень выделки стволов он умел.

Так что даже опытные, многое повидавшие казаки не стеснялись обращаться к нему за консультацией. Больше всего парня, конечно, интересовали нарезные стволы. Пусть даже порченые. Благо теперь, имея за плечами нужный опыт, он знал, что из них можно сделать. К тому же идея создать многозарядное оружие не оставляла его. А с того момента, как парню в руки попал револьвер, эта идея начала обретать реальные очертания.

Но как ни странно, повезло ему в другом. В полузавалившейся палатке, принадлежавшей турецкому офицеру, Елисей обнаружил целую коллекцию роскошных клинков. А самое главное, все они были изготовлены из булата. Тут были и европейские эстоки, и турецкие ятаганы, и польские карабеллы, и даже критская махайра. Это чудо парень опознал случайно. Всплыло в памяти, как однажды наткнулся в сети на спор нескольких диванных знатоков холодного оружия, рассудил которых толковый мужик, выложивший кучу картинок с пояснениями. Среди них была и фотография такого чуда.

Быстро увязав все клинки в роскошный бухарский ковер, Елисей закинул рулон на плечо и поспешил в крепость. Закинув добычу в фургон, парень снова выскочил за ворота и тут же был отловлен комендантом крепости, жарко что-то обсуждавшим с прибывшими офицерами. Настороженно разглядывая вновь прибывших, парень ожидал, что от него потребуют что-то вроде очередного артналета, но все оказалось куда хуже.

– Вот, господа, – объявил комендант, жестом подозвав к себе парня, – это сейчас единственный человек в крепости, который способен быть лазутчиком. У пластунов учился, да доучиться не успел. Так уж вышло, что учителей его убили. И это все, что я могу для вас сделать.

– Не самая удачная шутка, господин штабс-капитан, – мрачно проворчал средних лет майор, с георгиевским крестом на груди. – Мальчишка в этом деле нам не помощник.

– А я совсем не шучу, господин майор, – жестко отрезал комендант. – Я, к вашему сведению, вынужден на командование ротой прапорщиков ставить, а на взвода унтер-офицеров. Офицеров сюда и калачом не заманишь, а в штабе к крепости относятся, как к досадному недоразумению. Могу еще много чего рассказать, про интендантов особо, но не время и не место сейчас.

– Гм, удивили, – заметно смутился майор. – Но что ни говорите, а это всего лишь мальчик. А дело у нас серьезное.

– Этот мальчик двух ваших солдат стоит, – фыркнул штабс-капитан. – Особенно если про его умение стрелять говорить. Елисей, покажи штуцер.

Вместо ответа парень скинул с плеча винтовку и, передернув затвор, на лету поймал выскочивший патрон. После чего протянул оружие коменданту. Офицеры внимательно следили за каждым его движением.

- Ну-ка, ну-ка, - заинтересовался майор. - Это же оптический прицел! Откуда?!

- Можете мне не верить, но он до него сам додумался и сам в Пятигорске у ювелиров заказал. Даже два таких. И патроны тоже сам, - пояснил комендант с заметной гордостью.

- Очень интересно, - удивленно проворчал майор. - И где ж ты, голубчик, винтовку господина Бердана видел? Их в наших краях еще не появлялось, я бы знал, - спросил он, с интересом рассмотрев штуцер.

- То-то я думаю, что где-то видел уже такое, - задумчиво протянул Елисей, старательно морща лоб и потирая виски.

- Беда у него с памятью, господин майор, - вздохнул комендант, успокаивающе похлопав парня по плечу. - Мор тут у нас прошел. У него вся станица вымерла. Из всех жителей он один жив остался, да только память потерял. Доктор наш его осматривал, сказал, что такое бывает. Это вроде как после контузии.

- Да, про мор я слышал, - кивнул майор, удивленно разглядывая парня. - А как же вышло, что ты выжил?

- Бабка отмолила. А так меня уж и поп соборовал и молитву прочел. Только зарыть осталось, - вздохнул Елисей. - А господь по-своему рассудил. Один из всей станицы остался.

- Родители, значит, тоже? - аккуратно уточнил майор.

- Угу.

- Да уж, чего только на свете не случается, - удивленно вздохнул офицер, снимая фуражку и быстро крестясь. - Ладно, парень, - вернулся он к делу, возвращая Елисею штуцер. - Дело у нас вот какое. Горцы с турками, похоже, к перевалам отходят. Но на пути отхода за собой заслоны оставляют. И надо нам,

чтобы кто-то сумел те заслоны найти раньше, чем войска на марше к ним подойдут. Сумеешь?

«Знал бы ты, как много я всего умею», – хмыкнул про себя Елисей, коротко кивнув.

В его уверенности не было ничего удивительного. В прошлом это была одна из его прямых задач во взаимодействии с регулярным подразделением. А то, что местные горы покрыты лесом, так это не страшно. Что здесь горы, что там, за речкой. Здесь даже лучше. В местных лесах никто бесследно не пройдет. Это не голые скалы Афгана. К тому же, как известно, дома и стены помогают.

– Ишь ты. Даже не задумался, – хмыкнул майор. – Ты хоть понимаешь, что с тобой будет, если батальон в засаду угодит?

– Не пугайте, ваше благородие. Я уже год как умер, – фыркнул Елисей и, развернувшись, отправился обратно в крепость.

– Ты куда? – растерянно окликнул его майор.

– Припас в дорогу собрать надо. И оружие сменить.

– Через два часа жду тебя у дальних ворот, – крикнул ему в спину офицер.

– Буду, – коротко сообщил Елисей, прибавляя шагу.

– А с дисциплиной у него не очень, – фыркнул майор, поворачиваясь к коменданту.

– Зато голова работает так, что иному и позавидовать можно, – не остался тот в долгу. – К тому же не стоит забывать, что парень не реестровый. Одно слово, сирота. Так и будет теперь один жить.

– Вы потому его к крепости приписали? Пожалели? – понимающе спросил майор.

– Признаться откровенно, когда увидел, как он стреляет, о таком и не думал, – качнул комендант головой. – Как я уже говорил, крепость в нашем штабе на

правах приживалки какой числится. И толковых стрелков, впрочем, как и офицеров, для гарнизона днем с огнем не сыскать. Вот я и воспользовался случаем. А стреляет он и вправду знатно. Признаюсь откровенно, господа, лучше него в этом деле я никого еще не видел. И это факт, господа. Непреложный и подтвержденный. Тому и свидетелей куча имеется.

– Однако, – удивленно протянул майор. – Что ж, раз так, поверю вашему слову, сударь. Однако пора и делом заняться, господа. Прошу всех вернуться к своим подчиненным и начать подготовку к преследованию противника. А вы, господин штабс-капитан, придерживите свою казачью вольницу. Они уже весь лагерь горцев растащили.

– Войной живут, с войны кормятся, – пожал комендант плечами. – Тут я им не хозяин. На такой случай у них свои командиры имеются.

– Насколько же со строевиками дело иметь проще, – покрутил майор головой, направляясь к своим подчиненным.

Елисей, вернувшись домой, принялся перебирать свой вещмешок, готовясь к долгому переходу по горам. Собрав все патроны, он уложил в мешок десяток гранат и, пройдя на кухню, начал собирать провиант. Копченое сало, сухари, связка вяленого мяса, соль, приправы, кресало, нож, ложка. В общем, все, что нужно человеку для жизни в отрыве от цивилизации. Пробежавшись взглядом по собранному, он кивнул и завязал мешок. Вместо длинного штуцера он взял короткий карабин и, поправив перевязь с ножами для метания, окликнул соседку, возившуюся во дворе.

Попросив ее передать Наталье, что по приказу коменданта ушел с войсками, парень выскочил на улицу и зашагал к воротам, направленным в сторону гор. Их потому так и называли, дальними. Выйдя из крепости, Елисей быстро осмотрелся и, заметив группку офицеров, направился к ним. Остановившись в нескольких шагах от импровизированного штаба, парень не стал привлекать к себе внимания. Пусть сначала между собой разберутся. Да и время еще было. До назначенного срока оставалось примерно с полчаса.

Командовавший войсками майор раздавал приказы быстро, толково и явно с сознанием дела. Убедившись, что мужик свое дело знает, Елисей сместился так, чтобы офицер заметил его, и, дождаввшись, когда тот одобрительно кивнет,

вопросительно выгнул бровь. Чуть улыбнувшись, майор жестом подозвал его поближе и, окликнув какого-то подпоручика, приказал:

– Сергей Степанович, вот вам местный разведчик. Комендант мне за него поручился. В общем, берите своих людей и отправляйтесь вперед. Только прошу вас, голубчик, повнимательнее там. Людей берегите.

Последняя фраза Елисею импонировала больше всего. Глядя на майора, он одобрительно кивнул и, повернувшись к подпоручику, спросил:

– Где ваши люди, ваше благородие?

– Там, у кромки леса, – вздохнул офицер, разглядывая парня с заметным сомнением.

Понимающе усмехнувшись, Елисей развернулся и широким шагом направился в указанную сторону. Приметив два десятка солдат, вольготно развалившихся в тени, парень моментально понял, что это та самая местная армейская разведка. Точнее, ее зачатки. Подойдя, парень внимательно осмотрел лежавших, отмечая про себя, что в группе не было ни очень молодых солдат, ни солдат в возрасте за сорок. Все крепкие, матерые мужики лет тридцати пяти, плюс-минус пару лет.

Он уже три минуты стоял рядом с разленившейся группой, когда один из десятников, наконец, соизволил приоткрыть глаза и рассмотреть, что за ними внимательно наблюдают.

– Ты еще кто? – удивился он, рассмотрев парня.

– Смерть ваша, – фыркнул Елисей. – Будь мое желание, вы б уже все умерли.

– Ты чего несешь?! – возмутился десятник, начиная подниматься.

– Правду. То, что горцы отошли, не значит, что их тут нет. А вы разлеглись тут, словно тюлени, и про охранение забыли, – продолжал наезжать парень.

– А ведь паренек прав, – мрачно проворчал подошедший подпоручик. – Вы, я смотрю, совсем забыли, что тут война идет.

– Так с устатку, ваше благородие, – смутился десятник.

– Когда это вы устать успели? – хмыкнул офицер.

– Так это. Переход долгий был. Да и жарко больно, – снова попытался выкрутиться десятник.

– Ладно, ваше благородие. Дисциплину наводить не время сейчас. Горцы уходят быстро, а нам еще засаду их найти надо, – вмешался Елисей в этот бессмысленный спор.

– И не поспоришь, – нехотя усмехнулся подпоручик. – Взвод, строиться. Наша задача: обнаружить засаду горцев. Все ясно?

– Так точно, ваше благородие! – рявкнул строй.

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, а что это за мальчонка нахальный такой? – по-уставному спросил десятник.

– Проводник это наш. Из местных, – чуть скривился в ответ офицер.

– Да вы не беспокойтесь, ваше благородие, – улыбнулся в ответ Елисей. – Я эти места хорошо знаю, и пластуны меня толково учили. Найдем мы их. Обязательно найдем.

– Ну, дай-то бог, – покачал подпоручик головой и, вздохнув, приказал: – Давай указывай, куда именно идти.

Кивнув, Елисей огляделся и, припомнив, куда отступила основная масса войск противника, указал в нужную сторону. Взвод нырнул в подлесок и двинулся вдоль дороги в сторону перевала. Шагать по тракту значило тупо подставлять головы под вражеские пули. Так что разведка шла в нескольких метрах от края дороги, рассыпавшись неширокой цепью. Елисей то и дело принимался нарезать спирали, выискивая свежие следы.

Глядя на его маневры, солдаты только удивленно переглядывались, но вмешиваться не торопились, понимая, что делается это не просто так. Наконец, километров через пять, Елисей приметил конские следы и, жестом подозвав к себе офицера, молча указал на них.

– Ну, и что это значит? – спросил тот, явно проверяя парня.

– В сторону ушли, чтобы петлю сделать и снова на дорогу выйти. На дороге все следы к перевалу ведут, и отход в сторону двух десятков абреков пропустить немудрено. По следу идти надо. С этой стороны они нас ждать не будут. Думают, что незаметно с тракта соскочили, – ответил парень и решительно зашагал по следу.

* * *

Приложив палец к губам, Елисей призвал всех сохранять тишину и, ладонью подозвав к себе подпоручика, плавно сдвинул в сторону ветку куста. Осторожно устроившись рядом, офицер несколько минут выискивал взглядом то, что парень хотел ему показать, и, увидев, едва слышно зашипел сквозь плотно сжатые зубы. Кивнув, Елисей жестом указал ему за спину и, отойдя на пару десятков метров в обратную сторону, тихо спросил:

– Всех рассмотрели?

– С полтора десятка сабель будет, – быстро ответил подпоручик, глядя на парня с заметным уважением.

– Ровно два, – вздохнул Елисей, успевший пересчитать горцев. – Нужно вокруг пробежаться. Могут боковое охранение поставить.

– Это ж не регулярные войска, – фыркнул подпоручик.

– Зато их профессиональные военные учили, – качнул парень головой. – Вы тут готовьтесь, а я сбегая, гляну. Как два раза кукушка прокукует, так и начинайте этих класть.

– Думаешь, справишься один? – с сомнением протянул офицер.

– Знаю, – жестко усмехнулся Елисей и бесшумно исчез в кустах.

Обойдя распадок, по которому пролегал тракт, парень зашел заслону в тыл и, заметив двух бойцов, изображавших охранение, отложил карабин в сторону. Теперь нужно было действовать тихо. Вытянув из перевязи пару метательных ножей, он примерился и дважды резко взмахнул рукой, отправляя оружие в полет. Оба горца почти синхронно схватились за рукояти вонзившихся им в глотки ножей, оседая на землю.

Елисей зашел к ним со спины, но перед бросками сместился так, чтобы ножами попасть в шею сбоку. Так и получилось. Клинки разрубили гортани и аорты, не давая горцам вскрикнуть и разом лишив дыхания. Стремительным броском преодолев разделявшее их расстояние, Елисей провел контроль при помощи кинжала и, быстро обыскав тела, оттащил их подальше в кусты. Убедившись, что рядом больше никого нет, парень приложил ладони ко рту – и в притихшем от жары лесу дважды прокуковала кукушка.

Спустя пару секунд в распадке раздались выстрелы и крепкий мат сошедшихся врукопашную бойцов. Влезать в драку Елисей и не собирался. Не с его физическими кондициями лезть в свалку. Затопчут. Одно дело, сойтись с мужиком один на один, и совсем другое, общая драка. Тут ловкость и скорость движений помощники слабые, просто потому, что сметут с места только за счет большего веса. Припрятав добычу, парень подхватил карабин и рванул к месту засады.

Вынырнув из кустов, Елисей с ходу заметил, как споткнулся один из солдат, и его противник, крепкий, коренастый горец поспешил этим воспользоваться, вскидывая шашку. Моментально развернув ствол карабина, парень нажал на спуск, и тяжелая пуля отбросила горца назад. Ловко перезарядив оружие, Елисей окинул место схватки быстрым взглядом и, убедившись, что все закончилось, вопросительно посмотрел на офицера.

Подпоручик, вытирая тряпицей кровь с сабли, приказал своим подчиненным проверить, нет ли выживших, и, подойдя к парню, спросил, убирая оружие в ножны:

– Был там кто?

- Двое. Остывают уже, - хмыкнул Елисей, присаживаясь над своим трупом.

- Про трофеи не забываешь, - поддел его офицер.

- А мне либо так, либо Христа ради корочку хлебную просить. Сирота я.

- Да нет, это я так, - смутился офицер, не ожидавший такой отповеди. - Вон с тех двух тоже можешь забрать, что глянется. Это я их, - тут же предложил он.

- Благодарствую, ваше благородие. Да только я чужого не беру, но и своего не отдам, - склонив голову, ответил Елисей.

- Ну, как знаешь, - еще больше смутился подпоручик.

Тем временем солдаты быстро разобрались с убитыми и принялись осматривать друг друга не предмет ранений. Двоих в рукопашной немного поцарапали, но из строя они не выбыли. Услышав про ранения, Елисей попросил их подойти и решительно потребовал показать раны. Убедившись, что ранения и вправду несерьезные, Елисей достал из мешка аптечку и, быстро разведя порошок из сухих трав в самогоне, приказал раненым смазать этой смесью раны.

- Смазывайте, - требовал парень не терпящим возражения тоном. - Жара стоит. Грязь попадет, загниет разом. А там и до антонова огня не далеко. Лучше уж сейчас озаботиться, чем потом мучиться.

- Он прав. Выполнять, - приказал подпоручик, выслушав слова парня.

- Спаси Христос, парень, - поблагодарили раненые, помогая друг другу обиходить раны.

- Прикажете убитых вон туда, в овраг снести. Не нужно их у тракта оставлять, - попросил офицера Елисей.

Подпоручик продублировал команду, и парень, пользуясь возможностью, спросил, поглядывая на небо:

– Дальше пойдём, или на ночевку вставать станем? До темна ещё часа три будет.

– Отойдём отсюда и встанем, – подумав, принял офицер решение. – Есть там вода какая?

– Найдём, – кивнул Елисей, припоминая карту этих мест.

Пластуны в своё время как следует исследовали эти места, и у коменданта была весьма подробная карта, которую Елисей несколько раз сумел рассмотреть. Благо штабс-капитан не делал из неё большого секрета. Когда солдаты закончили с делами, Елисей дождался кивка подпоручика и снова нырнул в кусты. К небольшому роднику они вышли часа через полтора. Проведя солдат выше по течению, парень отыскал подходящую полянку и, сбросив свой вещмешок, снова нырнул в кусты. На этот раз за хворостом.

Пока солдаты определялись, где разводить костер и куда вешать снятые портянки, парень успел натаскать хвороста и выкопать ямку под скрытый костер. Внимательно наблюдавший за его действиями подпоручик удивленно покачал головой и, не удержавшись, спросил, подсаживаясь поближе:

– Ты всегда такой шустрый, или это только с нами так?

– Я ж сказал, ваше благородие. Сирота я. А сам себя не пощекочешь, никто не рассмешит. Вот и приходится шевелиться, – усмехнулся Елисей, чиркая кресалом.

Запалив костер, он набрал воды из родника и, подвесив его над огнем, вернулся к воде. Отойдя чуть ниже по течению, парень скинул сапоги и сунул натруженные ноги в ручей, закинув портянки на куст.

– Ты чего это делаешь? – удивился десятник, с которым у Елисея поначалу вышел спор.

– Ноги устали. А вода холодная усталость добре снимает, – коротко пояснил парень.

– Ну, ты и вправду лесовик, – растерянно покрутил десятник головой. – Братцы, скидай сапоги. И всем ноги в ручье мыть.

Этой процедуры временно избежали только направленные в караул часовые и кашевар, уже возившийся у костра. Убедившись, что солдаты службу тянут исправно, Елисей подтянул к себе свой мешок и взялся чистить оружие. Глянув на него, тем же самым занялись и солдаты. Сидевший в сторонке подпоручик, внимательно наблюдавший за парнем, только в очередной раз головой покачал. Потом, не удержавшись, пересел поближе и, вычищая свой пистолет, негромко спросил:

– И долго ты с пластунами ходил?

– Почитай год, – вздохнул Елисей.

– Маловато.

– Ну, это для кого как, – хмыкнул парень. – Мне хватило. И следы читать научился, и карту правильно смотреть. И прятаться так, чтобы в двух шагах не приметили. И оружием разным пользоваться так, чтобы любому врагу не поздоровилось. В общем, много чему научился. Они хорошие мастера были. А я все запомнить старался.

– А не хочешь в город переехать? – вдруг спросил подпоручик. – Есть у нас там охотничья команда. Им такие, как ты, шустрые очень даже нужны. Им заказы от армии регулярно выдают, хорошо зарабатывать станешь.

– От добра добра не ищут, – помолчав, качнул Елисей головой. – В крепости меня знают. Да и помогают часто, ежели нужда возникает. К тому же у меня там еще один учитель есть. Так что благодарствую, но нет. А в городе и так бываю.

– А ты не торопись отказываться, – не отступил подпоручик. – Подумай. К тому же слух ходит, что бросят скоро вашу крепость. Как тогда жить станешь?

– Ну, коли бросят, тогда и подумаю. Да и не изменится для меня ничего особо. Как жил, так и дальше жить стану. В крепости ведь не только солдаты, там еще и обычные люди живут. Куда ж они от домов своих пойдут? Вот и выходит, что

для меня все как прежде останется.

- Так ведь развалится крепость без пригляда, - не отступил офицер.

- С чего это? - удивился парень. - Ее и сейчас местные сами ремонтируют, и дальше станут. От начальства-то помощи не дождешься. Вот и станут они ее дальше ремонтировать. А там и мне уголок найдется. К тому же непримиримые пока не перевелись. А пока есть они, и крепостным дело найдется.

- Ох, и упрямый же ты, - растерянно вздохнул подпоручик.

- Не будь того, уже бы помер, - нашелся Елисей и, снова зарядив карабин, поднялся. - Вечерять пора. Стемнеет скоро, - добавил он, глянув в небо.

Кашевар позвал всех ужинать, и парень, получив свою миску кулеша, устроился в сторонке, быстро орудуя ложкой. Уничтожив свою порцию, Елисей отмыл в ручье миску песком и, хозяйственно прибрав ее в мешок, принялся оглядывать ближайшие деревья. Выбрав подходящие ветви, он ловко поднялся метра на три над землей и, закрепив свой гамак, принялся устраиваться на ночь.

- От же бес! - оценили его действия солдаты. - И зверь не достанет, и человек не приметит. Добре придумано.

- Тоже пластунов наука? - заинтересовался подпоручик.

- Их, - кивнул, не вдаваясь в подробности, парень, закрепляя карабин и остальное оружие.

Назначив караульных, офицер устроился у костра, и вскоре погрузившийся в ночные сумерки лагерь затих. Елисей, устроившись поудобнее, уснул, словно провалился. Разбудил его негромкий обеспокоенный свист какой-то пичуги. Не шевелясь, парень открыл глаза и, внимательно осмотревшись, мрачно скривился. Вечером, уже почти в темноте, он подвесил свой гамак метрах в пяти от птичьего гнезда и теперь мог наблюдать картину лесной драмы.

По ветке, к гнезду, не спеша подбиралась гадюка, явно планируя полакомиться птичьими яйцами. Судя по тому, что из гнезда не раздавалось ни звука, птенцы

еще не появились. Только пара мелких птах отчаянно атаковали змею, пытаясь отогнать ее от гнезда. Стараясь не делать резких движений, парень вытянул из ножен кинжал и, на всякий случай глянув под дерево, начал медленно подниматься. Потом последовал резкий взмах рукой, глухой удар, и на землю упала обезглавленная змеиная туша.

Гадюка была матерой, более метра в длину, именно поэтому Елисей и проверил для начала наличие кого-то под деревом. Получить спросонок такой подарочек на голову не самое приятное дело. Так может и кондрашка хватить. Убедившись, что его короткая стычка со змеюкой никого не разбудила и не напугала, парень от души зевнул и, прислушавшись к собственному организму, удовлетворенно кивнул.

Выспался, отдохнул и готов к дальнейшим свершениям. Этот поход оказался для него результативным. Только серебром он снял почти пятьдесят рублей. По местным меркам, серьезные деньги. А там еще оружие и амуниция. К тому же он еще толком не порылся в трофейных сумках. Там наверняка тоже найдется много полезного. Соскользнув с дерева, Елисей первым делом отбежал подальше в кусты и, оправившись, пошел умываться.

К тому моменту, когда десятники объявили побудку, парень уже успел навести марафет и был готов двигаться дальше. Времени на готовку терять не стали, позавтракав сухарями и вяленым мясом. Такой сухпай, как оказалось, нашелся у всех солдат. Это Елисея поначалу крепко удивило, но его недоумение разрешил подпоручик, пояснив, что им, как подразделению, действующему в отрыве от основных сил, такие вольности дозволены.

Спустя еще час взвод собрался и, построившись цепью, двинулся дальше к перевалу. Шагая первым, Елисей всматривался в землю, выискивая следы и попутно анализируя все услышанное и произошедшее накануне. Только теперь он вспомнил, что от дороги горцы уходили верхом, а в распадке и рядом с ним лошадей не нашлось. Солдаты там все облазили. Выходит, это были смертники, которые и не собирались уходить. Это открытие крепко насторожило Елисея, заставив удвоить внимательность.

* * *

Основную группу отходивших разведчики догнали на следующий день к вечеру. Вышедший из-за поворота Елисей, с ходу заметив колонну противника, поднимавшуюся по тропе к перевалу, тут же сделал шаг в сторону, под прикрытием кустов, и, жестом остановив солдат, ткнул пальцем в нужную сторону. Подпоручик, оглядев в бинокль колонну, только зло оскалился, тихо прошипев:

- Не успеют наши подойти. Уйдут.

- Скоро темнеть начнет. Думаю, там у них место, подготовленное для ночевки, есть, - так же тихо высказал предположение Елисей. - Можно будет там их достать.

- Предлагаешь к ним в лагерь лезть? - растерялся офицер. - Заметят же сразу.

- Вас да. А вот меня им еще поискать придется, - азартно усмехнулся парень.

- Совсем ума лишился?! - охнул подпоручик.

- Пока нет. Варианты прикидываю, - задумчиво протянул парень, покусывая сорванную травинку.

- Да какие тут могут быть варианты, - едва не в полный голос воскликнул офицер.

- А вы кричите громче, тогда точно никаких не будет, - фыркнул Елисей, доставая из сумки бинокль. - Так. По скале я подняться выше них смогу. Нужно только понять, как долго они еще идти станут.

- Не долго, - тихо вздохнул присевший рядом с ними десятник. - Бывал я на том перевале. Два раза. Как за поворот зайдут, так и встанут. Там площадка удобная есть. С родником. Все караваны, которые с той стороны идут, там останавливаются. На этой тропе четыре таких площадки есть. Давно уже все отработано. Как раз от одной до другой переход получается.

- Значит, посты они выставят только на тропе, ниже площадки, - уверенно кивнул Елисей.

- Так-то оно так, да только поднимешься ты по скале, а спускаться на площадку как станешь? - тут осадил его десятник.

- Веревки у вас есть? - вместо ответа спросил парень.

- У всех есть, - настороженно кивнул десятник.

- Вот тебе и ответ, - ехидно усмехнулся Елисей и принялся стаскивать с плеч лямки своего мешка.

- И что ты там один сделаешь? - задумчиво поинтересовался подпоручик.

- А нам главное, их на той площадке удержать. А дальше пусть войска регулярные добивают, - отмахнулся парень.

- Никак придумал чего, - удивленно хмыкнул десятник.

- Голова человеку дана не только, чтоб в нее есть, - тихо рассмеялся Елисей и, достав из мешка аркан, сплетенный из конского волоса, потребовал у десятника: - Вели еще три таких мотка принести.

- Думаешь, хватит?

- Много не мало. И еще, если есть, вели шнур тонкий найти. Шагов на сорок длины.

- Это у меня и самого есть, - кивнул десятник, доставая нужное из своего ранца.

Собрав и проверив все необходимое для диверсии, Елисей передал свой карабин на время десятнику и, несколько раз подпрыгнув, двинулся к скале, на которой и проходила тропа. Увиденное снизу оказалось правильным. Скала была покрыта сетью трещин и сколов, так что подниматься по ней было не сложно. Спустя час парень выпрямился на гребне скалы и, встряхнув гудящими от напряжения руками, тихо проворчал:

- Блин, да когда ж я в норму приду?

Пройдя по гребню скалы метров четыреста, Елисей вышел к другому краю, подковой окружавшему площадку метров сто пятьдесят квадратных. Она была словно специально создана для ночевок, проходивших по тропе караванов. Закрытая с трех сторон, с источником воды, ее даже охранять было просто. Достаточно было поставить караульных на самой тропе и всё. Отдыхай, словно в крепости. Присев на ближайший валун, Елисей то и дело аккуратно заглядывал вниз, дожидаясь, когда абреки, наконец, угомонятся.

Лошадей горцы загнали в старый загон, собранный из высушенных до белизны жердей, а сами, разведя несколько костров, принялись готовить ужин. Время вечерней молитвы уже прошло. Именно эта особенность их веры и позволила разведчикам так быстро догнать противника. Правовой мусульманин обязан совершать намаз пять раз в день, и на этот процесс не может повлиять ничто. Дождь, снег, горный обвал, война, пусть случится что угодно, но если ты правовой, значит, должен вознести хвалу Аллаху.

Дожидаясь, когда горцы улягутся спать, Елисей достал из мешка полоску мяса и сухарь. Запивая все это водой из фляги, парень внимательным взглядом следил за перемещениями пяти человек, командовавших отрядом. Это были те самые выжившие турецкие офицеры, что организовали такой упорядоченный отход. Достаточно выбить их, и вся упорядоченность сразу развалится. Что ни говори, а клановость у горцев была в крови. Так что, едва исчезнет эта точка кристаллизации, как они начнут действовать каждый за себя. Точнее, за свой клан.

Ночь в горах наступает неожиданно, словно кто-то резко выключает свет. Так было и в этот раз. Темнота навалилась разом. Благо парень успел загодя привязать веревку к подходящему выступу скалы. Пользуясь тем, что никто из горцев вверх смотреть и не думал, Елисей в бинокль осмотрел место, куда опустится веревка, и, развязав свой вещмешок, принялся готовиться к спуску. Припасы и аптечка ему до поры не потребуются, поэтому их в сторону. С собой вниз парень планировал брать только ножи, кинжалы, пистолет и гранаты. Ко всему этому моток шнура и пару обрезков кожи, которыми он планировал обвязать ладони.

Положив мешок так, чтобы веревка, по которой он планировал спускаться, легла на эту подложку, Елисей принялся медленно опускать конец вниз, то и дело контролируя спуск в бинокль. Отблесков света костров ему хватало, чтобы видеть все необходимое. Убедившись, что веревка достигла площадки, Елисей

накинул оставшиеся витки на тот же выступ и, вздохнув, снова принялся ждать, когда вражеский лагерь затихнет.

Спустя два часа парень убедился, что противник спит, и, перекрестившись, начал спуск. Соскальзывать по веревке, как это обычно показывают в фильмах его прошлого, он не собирался. От трения возникает особый, свистящий звук, который насторожит любого. Тем более что акустика на площадке была прекрасной, хоть арии пой. Так что, обвив веревкой ногу, Елисей принялся плавно спускаться, стараясь сделать все, чтобы лишний раз не сбить ни один камушек.

Лошади в загоне, почуяв его, беспокойно зафыркали, и Елисей не некоторое время замер, давая им возможность привыкнуть к своему запаху. Дождавшись, когда лошади успокоятся, парень быстро преодолел оставшиеся метры до площадки и, тут же отступив под стену, присел в тени, оглядывая лагерь. На его удачу, горцы на беспокойство своего транспорта не отреагировали. Убедившись, что все тихо, парень по дуге обошел загон и, перебравшись на противоположную сторону площадки, двинулся к выходу на тропу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/trofimov_erofey/odinochka-gornye-tropy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)